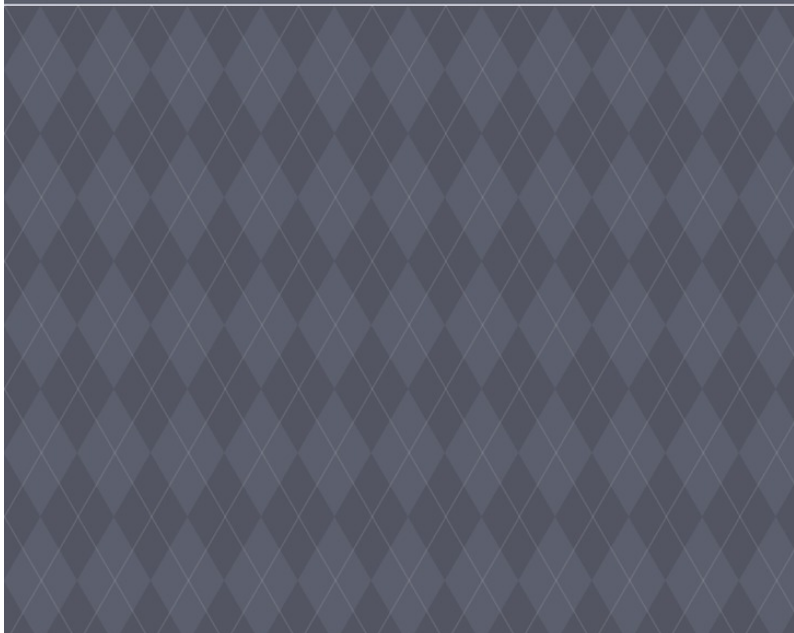

Виктор Житинкин

*Невыдуманные
истории*

Виктор Житинкин

Невыдуманнные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25015797

ISBN 9785448550072

Аннотация

Рассказы Виктора Житинкина небольшие по объему, но с глубоким содержанием, написанные чистым, красивым русским языком, как нельзя лучше отражают всю действительность обстановки в стране в начале третьего тысячелетия.

Содержание

Невыдуманные истории	5
Артистка из деревни	5
Беспощадное время	24
Билет до ближней станции	37
Букет	48
Варькин заступник	61
Виртуальная дочь	78
Возвращение	87
Упущенный барыш	101
Случай в автобусе	105
Букетик ландышей	109
Цветы к восьмому марта	111
Счастливая Настя	115
Роза	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Невыдуманные истории

Виктор Житинкин

© Виктор Житинкин, 2017

ISBN 978-5-4485-5007-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Невыдуманнные истории

Артистка из деревни

Глухая марийская деревенька. Так уж повелось, что из года в год именно сюда отправляют оказывать помощь сельчанам в уборке картофеля сотрудников цеха, в котором работал Виктор. Нет здесь ни кафе, ни

развлекательных заведений, в том числе и клуба, да и молодежи тоже нет. Девчонок, ровесниц Виктора, практически не осталось – молодежь вся на учебе в городе.

Только вот, до города рукой подать, а не уедешь никак, автобус лишь по праздникам увозит людей в город рано утром, а вечером привозит их же, но уже с обновками в одежде и слегка навеселе. Пешком идти – далековато. Попуток тоже нет, деревня находится в тупике. Вот и замирает все в этой деревне с наступлением осени. Но это, только, кажется, а на самом деле, деревня продолжает жить. В этом году Виктор на себе прочувствовал это.

Людей, прибывших из города, расселяли поодиночке по домам. Не нашлось ни одного большого дома, способного принять на постой сразу всю группу прибывших из города помощников. Деревенский бригадир привел Виктора к рубленому дому с крашенными голубой краской наличниками

окон и громко постучал по стеклу. Стекло звонко задребезжало от ударов, хлопнула дверь, и со двора раздался громкий женский голос:

– Прекрати стучать, стекло разобьешь! Кто там? – сказано было по – марийски.

– Бригадир. Постояльца вот тебе привел. Принимай, – бригадир ответил на русском языке.

За воротами застучала щеколда, дверь со скрипом открылась и в проеме появилась высокая женщина, худая и с длинными ногами. По лицу трудно было определить ее возраст и ко всему, оно было некрасиво. Виктору было все равно, зато женщина, разглядев рост, худобу и обаяние парня, заулыбалась и проговорила по-русски:

– А ты ничего, хорош! Мы с тобой чем-то даже схожи. Вижу, что и тебя бог ростом не обделил, ничего лишнего на теле нет, кроме того, и на мордашку смазлив.

– Ты, этого, того! Смотри, парня-то не обижай, Настасья! – сказал бригадир, услышав ее слова. – Вот дурак я, не сообразил сразу-то. Не того привел тебе, испортишь парня. Надо было постарше мужика тебе подселить. Ну, да ладно! Обидишь, пеняй на себя.

Анастасия сделала строгое лицо:

– Ты что, черт кривой, несешь-то. Да ты знаешь, как мы с парнем друженько заживем, уезжать ему не захочется от меня.

– Вот, этого-то я пуще всего боюсь. Не дай бог, Ванька

к тебе придет, да что-нибудь сделает парню! Сразу милицию вызову! Имей в виду!

Новая хозяйка Виктора ухватила парня за рукав куртки и повела его к высокому крыльцу. Бригадир продолжал стоять у ворот, наблюдая за ними, но Анастасия вернулась к воротам, чтобы закрыть их и запереть. Бригадир успел все же погрозить ей кулаком и прошипеть:

– Смотри у меня, Настасья!

Анастасия провела Виктора в дом, заставила снять обувь на входе и принесла для него тапочки. Обстановка в зале довольно бедненькая, но жить было можно. Главное: чисто и уютно. Время было обеденное, Анастасия спросила:

– Может, пообедаем вместе, да познакомимся, – на что Виктор с удовольствием согласился. С утра, собираясь в командировку, чуть успел чайку глотнуть.

Хозяйка стала накрывать стол, без конца нахваливая себя:

– Ты моей едой не брезгуй, все приготовлено чисто и очень вкусно. Есть будешь – поймешь, разберешься сразу, вру я или правду сказала. На первое у меня уха приготовлена. Не из осетринки, а всего лишь из хека, но получилось вкусно. На второе тоже рыба, но уже запеченная в тесте. Думаю, что тебе понравится. Компоту не будет, но квасу у меня целый жбан, тоже своего приготовления. А для знакомства у меня вот что есть.

Она принесла откуда-то из сеней пол-литровую бутылку, которую вытерла низом фартука и поставила на стол.

– Прямо со льда принесла, холодненькая, видишь какая. Сама гнала, пить даже приятно.

– Да я вроде и не пью, но попробовать можно. Не знаю даже запаха самогона.

– Ну, вот с нее мы и начнем, – она разлила по стопкам хрустальную жидкость и, подав одну из них Виктору, сказала, – на брудершафт пить не станем, а вот чокнуться можно.

– Все-то вы знаете. Даже не похоже, что вы здесь, в глухой деревне всему этикету выучились, – сказал паренек, поднося стопку к носу и пытаясь унюхать запах самогона.

– Я же сказала, что он со льда, холодный значит. Запаха почти нет.

Они чокнулись, Виктор проглотил жидкость и сморщился как печеное яблоко. Анастасия, глядя на его лицо, умирала со смеха. А пареньку вовсе было не до смеха: дыхание перехватило, и в то же время, выпитая самогонка рвалась наружу. Мышцы на животе Виктора судорожно стали сокращаться, но Анастасия быстро налила стакан огуречного рассола и, силов, влила его в рот парню. Сделав несколько глотков, Виктор почувствовал большое облегчение.

– Вот и выпили за знакомство, – стал ворчать он. – Что за пакость такая, чем это ты меня напоила?

– Прости меня. Подровняла я тебя к деревенским мужикам. Те пьют все, что горит. Да еще требуют. А ты, видишь, как болезненно перенес эту выпитую стопку самогона. Еще раз прости.

– Если не секрет, из чего эта штука сделана? – любопытно спросил постоялец.

– Не бойся, это не «табуретовка», как у Остапа Бендера. Сделана из буряка, из свеклы сахарной, значит, – ответила Анастасия и, выпив свою стопку самогонки, замахала рукой у приоткрытого рта а, продышавшись, добавила: – Запашок, конечно, не совсем приятный, но не хуже, чем у этого пресловутого виски. Просто у меня в нем градусов много. Спиртомер показывает семьдесят, а я думаю, что еще больше – первачок.

Глаза у паренька, между тем, заблестели, пропала всякая скромность, у него разыгрался аппетит, ел он все, что попадало под руку, хлебнув ухи, принялся жевать рыбу в тесте, попробовал нарезанное брусочком соленое с чесноком и поперченное свиное сало. Утолив голод, он взглянул на Анастасию, наблюдающую за ним, и сказал:

– Может, это, повторим?

– Плохо тебе не будет?

– Думаю, что нет.

– Ну, что же, смотри.

Анастасия налила Виктору полную стопку самогона, чуть добавила в свою недопитую стопку и они выпили вместе до дна. Женщина поднялась со стула, взяла в руки чистое полотенце и, подойдя к пареньку, как малышу вытерла ему всю нижнюю часть лица, к которой прилипли крошки от обильной пищи. Сделав это, она протерла этим же полотенцем

и свои губы, чмокнула его в щеку и сказала:

– Молод ты еще совсем, но как приятно мне ухаживать за тобой. Все бы отдала за то, чтобы ты находился рядом со мной постоянно.

– Мне сегодня не нужно идти на работу? – спросил Виктор.

– Да нет, вроде, нет, – засомневалась Анастасия.

Она быстро встала и вышла на улицу, чтобы спросить у соседей, к которым тоже кого-то поселил бригадир. Тут же, как на грех появился круглолицый сосед Иван, про которого говорил бригадир. Из окна было хорошо видно, как он запросто облапил Настю, как та, стыдясь Виктора, которого заметила в окне, оттолкнула его от себя и направилась, было, к воротам своего дома.

Но неприятный и навязчивый мужик, другими словами его не охарактеризуешь, обогнав ее, преградил дорогу и стал что-то говорить, от души жестикулируя руками и трясая головой. После этого сосед выслушал ее, Анастасия говорила что-то не менее выразительно и зло. Наконец-то, он удалился, без конца оглядываясь, выкрикивая что-то и грозя пальцем.

Кровь закипела у Виктора. Первым его желанием было желание наказать обидчика его хозяйки, целый год он занимался по вечерам в спортивном зале, беря уроки у своих друзей в боевых единоборствах, и сейчас не сомневался, что сможет это сделать.

Но разум остановил его от необдуманного поступка, как-никак выпивши, да и что скажут люди, если он уже в первый день устроит драку. Кроме того, он еще совершенно не знает о взаимоотношениях этих двух людей, возможно, что-то связывает их в жизни. Тогда, зачем все это?

В дом вошла Анастасия и наигранно весело заговорила с Виктором:

– Никуда сегодня тебе не нужно идти, а вот завтра я тебя подниму пораньше, накормлю, да на работу отправлю.

– У тебя все нормально, Анастасия? А то я в окно видел, как к тебе мужик какой-то приставал. Хотел на помощь пойти, да подумал, что может быть он тебе кем-то приходится.

– Ванька это, сосед, через дорогу живет. Он соблазнил меня в молодости, потом я уехала, а когда вернулась через пять лет, он снова хотел добиться меня, но у него не получилось, – ничего не скрывая, ответила женщина.

– А в каких отношениях вы теперь? – настороженно спросил Виктор.

– Да, в каких? Ни в каких! Перестала бояться я его. Однажды полез ко мне ночью в окно, я его слегка сковородкой чугунной по голове-то погладила. Так он около месяца в больнице провалялся. Боится меня теперь. Только сегодня видел он, что тебя ко мне подселили, ревнует. Говорит, ночью будет приходить, и проверять, нет ли чего между нами. Про него сегодня днем бригадир говорил, милицию собирался вызвать из города, если что.

– Да, Анастасия! В сложной обстановке ты живешь, – с издевкой заметил Виктор. – Все у тебя войны какие-то идут. Жизни спокойной нет.

– Привыкла я давно ко всяким неприятностям в жизни. Без них, вроде, и жизни нет. А ведь могло и не быть всего этого, стоило мне только захотеть, – задумчиво сказала Анастасия, садясь на лавку в переднем углу дома.

– Загадками говоришь, Настя, позволь уж мне так тебя называть, хоть и в матери ты мне годишься.

Анастасию от слов Виктора слегка передернуло, она бросила на него гневный взгляд и раздраженно заговорила:

– Да не старая я совсем! Всего лет пять прошло, как институт закончила. Мне ведь и тридцати лет нет, а выгляжу, как старуха. Не слежу за своей внешностью, да всю работу мужскую себе на плечи взяла. На фотографиях, которые сделаны, когда я еще училась, посмотри, как выглядела. Высокая стройная девчонка. Спортom занималась. Наша команда по баскетболу за мой счет только и выигрывала на соревнованиях. И училась я неплохо, Диплом-то – красный, показать могу. Мне большое будущее сулили преподаватели.

Своими словами Анастасия более чем удивила Виктора. Он робко спросил:

– А, действительно, можно посмотреть твой Диплом? Пожалуйста!

– Посмотри, коль интересуешься. Фотографии-то и на стене в рамках есть. Прямо возле тебя. А Диплом и Гра-

моты всякие, сейчас, достану.

Анастасия поднялась с лавки и, подойдя к старому комоду, стала выдвигать ящики и рыться в них. Виктор прилип к фотографиям в больших рамках под стеклом, чтобы лучше рассмотреть их, включил свет. Вспыхнула небольшая лампочка-груша, болтающаяся под потолком на длинном витом проводе. Света она не прибавила, ее желтые отблески на стекле совсем не давали разглядеть фотографии. Стоящая за спиной Виктора Анастасия засмеялась, говоря:

– Вот, ведь, Фома неверующий! Что? Разобрать не можешь, где я? Давай-ка помогу.

Она быстренько сняла рамку с фотографиями с гвоздя, протерла передником стекло, засиженное мухами, и положила ее перед собой на стол, усадив рядом с собой на лавку Виктора. Отыскав себя на фотографиях, она показывала, тыча пальцем в стекло и комментируя снимки, косила глазами на парня, наблюдая за его реакцией. Он увлеченно и с интересом разглядывал фотографии за стеклом, сопел и изредка поглядывал на раскрасневшееся лицо увлеченной воспоминаниями Анастасии. Разобравшись с фотографиями, она развернула старую газету, в которой были спрятаны красные корочки Диплома.

– А вот и Диплом! – она развернула корочки, Виктор осторожно взял документ в свои руки.

– О-го-го, Настя! Ну, ты и даешь, – удивленно и восторженно прохрипел он, познакомившись с документом. – С та-

ким-то образованием ты в этой дыре, а другого слова я не нахожу для этого места! Что происходило с тобой, когда ты решила остаться в этой глуши? Ты ведь пропадешь здесь. Даже не верится, что ты во ВГИКе училась и закончила его, да еще и с красным Дипломом.

— Мне очень хотелось на свою землю вернуться, вот и вернулась. Мать дождалась моего приезда, да вскоре и умерла. Я похоронила мать сама, некому ведь больше. Отец давно умер, а я — единственная в семье. На могилке материнской поклялась, что буду постоянно бывать, что не уеду никогда с родной земли. Поистратила все денежки, которые прикопила, а здесь особо не заработаешь, платят копейки. Кормиться, одеваться — везде деньги, да деньги нужны. А сколько их понадобится, чтобы вновь уехать в столицу и начать всю жизнь сызнова. Правда, есть там у меня друг хороший, когда учились — дружили, кстати, он меня и до сих пор не забыл, письма постоянно пишет. Зовет туда. Да неловко мне написать всю правду: что денег нет, что продать дом не могу, что не могу вырваться отсюда без помощи людской. А к нему обратиться за помощью — стыдно. Вот так и живу, так и терплю все оскорбления и унижения от людей, которые и сами-то ничего собой не представляют, Ванька, к примеру. Да и сам бригадир тоже хорош, собирает всякие глупости обо мне.

Сказав это, Анастасия склонила голову, чтобы не видел Виктор, что ее глаза полны слез и замолчала. Тронутый такими откровениями и расчувствовавшись, он протянул руку

к женщине, коснулся ее головы и погладил, тихо приговаривая:

– Все пройдет. Успокойся, пожалуйста. Ты очень хорошая. Не место тебе здесь. Уезжай.

Звон разбитого стекла привел их в реальность. Они вскочили с лавки, а перед ними вдруг зашевелилась занавеска на окне, красная волосатая рука рывком откинула ее, ухватилась за подоконник, и в разбитом проеме рамы появилось пухлое лицо Ваньки. Он что-то прошипел по-марийски для испуганной Анастасии, лишь затем угрожающе заговорил по-русски, адресуя сказанное Виктору:

– Я давно слежу за вами! Еще раз ее тронешь – убью. Она – моя! Понял? – сказав это, он исчез из виду.

Велики ли осенние дни. На улице уже темнело, между туч появились звезды. Анастасия принесла из сеней большой кусок картона, Виктор замерил разбитое окно, аккуратно вырезал прямоугольник и вставил его в проем, перекрыв холод пути.

Немного успокоившись, Анастасия проговорила:

– Не знаю, не знаю, что мне делать. Так, я жить не смогу, да и не буду. Посоветуй, ты умный.

– Да, уж. У тебя такой институт за плечами, а ты тут томишься, как в плену каком-то. Уезжать тебе нужно, – от души советовал Виктор.

– Помоги! Помоги уехать отсюда. Всю жизнь буду помнить тебя, – в отчаянии просила Анастасия.

– Дай подумать. Все это непросто сделать. Самое главное, что нет денег ни на дорогу, ни на первое время на новом месте. И мне тоже их не найти, – паренек задумался. – Мысль есть одна, только это нужно отложить на завтра. Давай, доживем до утра. Поговорка есть такая: «Утро вечера мудренее».

– Хоть сказал бы, что надумал.

– Завтра. Давай, все скажу завтра. Где мне можно лечь?

Анастасия принесла постельное белье, подушку с одеялом, быстро заправила постель на стареньком диване, стоявшем почти у самого порога избы, выключила свет в комнате и, пожелав парню спокойной ночи, удалилась за занавеску в свою спальню. Там вспыхнул свет, на занавеске появилась тень переодевающейся хозяйки, затем свет погас, и заскрипели пружины кровати. Все смолкло.

Лежа в постели на диване, Виктор пытался о чем-то думать, но сказала психическая перегрузка от всего произошедшего, умного ничего в голову не шло. Вскоре сон перешибил молодого человека, и он уснул. Спал он тихо, по-детски подложив руки под щеку и подогнув в коленках ноги.

Разбудил его стук, стучали не в дверь, а будто чем-то массивным по стенам дома. Проснувшийся Виктор долго не мог сообразить, где он и что это так стучит, словно строители машиной вбивают сваи в грунт. Из-за шторы выскользнул высокий силуэт и, чертыхаясь женским голосом, вышел в сени. Послышалась перебранка на марийском языке, затем за-

брякал откинутый из петли металлический крюк, раздался вскрик женщины и топот шагов по половицам в сенях.

В такой ситуации Виктор оказался впервые. Сердце учащенно забилося, но привыкшие к темноте глаза позволили ему предпринять кое-какие действия. Он встал сбоку от входных дверей, и стоило только появиться на пороге мешковатой фигуре соседа Анастасии Ваньки, Виктор нанес ему сильный удар между глаз. Охнув, Ванька выпал за дверь, оставив ноги в кирзовых сапогах внутри избы.

Перешагнув через ноги лежащего человека, вошла Анастасия. Вспыхнул свет. Зажимая пальцами кровоточащий нос, женщина спросила стыдливо прикрывавшего свою наготу Виктора, который был в одних плавках:

– Что-то не шевелится Ванька. Ты не убил его, случайно? Отвечать не пришлось бы за это дерьмо.

Сосед Ванька вдруг захрапел. Анастасия с Виктором успокоились, жив Ванька. Анастасия, остановив кровь из носа, плеснула водой в лицо храпящего буяна, тот вздрогнул, стал отплеиваться, сел на порог и, крутя головой, спросил:

– Обо что это я так ударился?

– Пить нужно меньше, тогда и вопросов не будет, – нравуучительно ответила ему Анастасия, тоже по-марийски.

Красно-синие круги вокруг глаз Ваньки обозначались все ярче, словно изображение на фотобумаге, лежащей в прожигателе, к тому же, место это опухало, словно на дрожжах

и вскоре на лице соседа остались только две узкие полоски, через которые он подглядывал на окружающий мир.

Ванька поводил по глазам грязными руками, почему-то подозрительно посмотрел на раздетого Виктора, но, увидев его худобу, хмыкнул и перевел взгляд на Анастасию, стоящую поодаль с красным и распухшим носом. Кряхтя, он поднялся с порога и направился на выход, видимо – домой, вернулся, кому-то пригрозил кулаком и ни к селу, ни к городу прохрипел:

– Вот я вас! – и ушел окончательно.

Анастасия вышла, заперла на все запоры дверь в сенях и, вернувшись в избу, села на табуретку, стоящую у печи.

– Так каждый день бывает? – спросил Виктор.

– Не каждый день, но часто, – сухо ответила она, но тут же, закрыв лицо обеими ладонями рук, завывала, запричитала, словно плакала по покойнику, несвоевременно ушедшему из жизни родственнику.

Виктор ужасно растерялся, не зная, что делать в таком случае. А Анастасия продолжала выкрикивать:

– Господи! В чем я перед тобой провинилась, за какие грехи наказываешь меня? Долго я должна еще терпеть такие издевательства? Что я натворила? – она плакала, рыдала голосом, проклиная такую жизнь.

Виктор так и не посмел сказать ей в утешение ни одного слова. Что-то уже начинало бунтовать в его сознание, появ-

лялось желание сейчас же побежать к соседу Ваньке и устроить ему «Варфоломеевскую ночь». Но здравый рассудок побеждал: нужно дождаться завтрашнего дня и решить проблему только мирным путем.

Анастасия и Виктор, посидев еще немного и успокоившись, залезли в свои постели, но уснуть после такого стресса было трудно, каждый о чем-то думал. Уже засыпая, Виктор подумал, сколько же за один сегодняшний день произошло с ним всяких приключений, плохих и хороших. И завтра предстоит ему еще многое сделать. Взялся за гуж...

Остаток ночи прошел спокойно, никто больше не стучал и не ломился в дверь дома. Виктору даже приснился хороший сон, но досмотреть его не дала Анастасия. Она разбудила его чуть свет и полусонного посадила за стол. Накормив, отправила в контору, куда должны были собраться все прикомандированные рабочие. Люди подходили поодиночке, время еще было. Воспользовавшись этим, Виктор подошел к бригадиру:

– Поговорить бы надо, – мрачно сказал он.

– Че, Настасья ночью мешала? Не затащила она тебя в свою постель? А то она это может сделать.

– Тебя что ли затаскивала? – вспыхнул Виктор. – Или видел, что кого-то затаскивала?

– Да нет, – смутился таким выпадом в его сторону бригадир. – Дак, ведь люди сказывают, что Ванька хвалится, будто эта «артистка» его больно шибко привечает.

– А ты меньше слушай сплетни, лучше бы пришел, да поинтересовался, в каких условия она живет. А Ваньку давно в тюрьму упрятать надо, – все пуще распалялся Виктор.

– А вон он, идет Ванька-то. Легок на помине. Только, что это с его рожей? Пчелы, что ли накусали, да вроде пчел нет уже. Где это тебя так угораздило? – спросил бригадир у подошедшего к столу Ваньки.

– Дома, о косяк стукнулся, – ответил сосед Насти. – Вот и пришел сказать, что не могу сегодня на работу выйти, не вижу совсем ничего. Вот около тебя стою, а не вижу тебя.

– Спички вставь, – посоветовал кто-то из собравшихся рабочих.

Дружный смех людей разозлил Ваньку:

– Подождите, спадет опухоль, вы у меня посмеетесь тогда. Вот я вас всех! – он погрозил всем кулаком и ушел.

– А что, парень, не ты ли ему так сообразительно припечатал по глазам-то, – спросил бригадир Виктора, глядя испытывающее на него. Хотел пошутить, глядя на его тощую фигуру, но не получилось.

Паренек кивнул головой. Гул восхищения парнем пронесся по избе.

– Потому и сказал тебе, что поговорить надо, – сказал Виктор бригадиру.

– Ладно, людей вот сейчас на работы отправлю, а ты останься пока. Раз надо, значит надо! И баста! Главное, чтоб с пользой для дела все происходило.

Бригадир за считанные минуты разогнал людей по работам, прибывшей из города бригаде дал отдельное поле, с которого нужно было убрать все, что на нем выросло и отправить в овощехранилище.

— А тебя, дружок, попрошу остаться здесь, запурхался я с бумагами, дел-то много сделали люди, а по бумагам выходит, что нет ничего. Но у меня все записано вот в этой вот тетрадке, — он протянул Виктору лохматую школьную тетрадь. — Поди, разберешься как-нибудь. Дак, ты, что хотел сказать-то?

— Дело серьезное, Колька... Простите, не знаю, как вас величать.

— Николай Иванович! Да не к чему это величие. Раз все зовут Колькой, зови и ты так. Что уж там.

— Да нет, не привык я называть человека, который старше меня больше, чем вдвое, как себе ровесника. Тем более что вы еще и начальником моим будете, хоть ненадолго, но все-таки. Так что привыкайте, буду звать вас Николай Ивановичем.

— И на том спасибо. Ну, говори, что там вчера у Настасьи произошло, что с ней?

Виктор от начала и до самого конца пересказал бригадиру о том, что стряслось в доме Анастасии. Сказал он и о разбитом стекле, и о ночном визите Ваньки, сказал и о том, что не смог сдержать себя и врезал этому мерзавцу от души за обиженную Анастасию. И еще он сказал, что очень хочет

Анастасия в Москву поехать, да нет сил. Нет для этого ни денег, ни поддержки, хоть и ехать есть куда и к кому, только гордая она, просить помощи не хочет ни у кого. А вот его, Виктора, она просила помочь ей выбраться отсюда. Жаль, очень жаль ему Анастасию, не предназначена она по жизни стать работницей на земле. Может быть, пропадает в ней великая актриса.

Говорил Виктор долго и убедительно, пробрало Николая Ивановича до слез. Когда Виктор смолк, бригадир решительно встал и столь же решительно высказался:

– Так вот, что я надумал. Пропадет эта актриса здесь. Уедешь ты, заступиться за нее некому будет и сведет этот Ванька ее в могилу. Прав ты во всем. Хорошо, что разглядел правду насчет судьбы молодой женщины. Молодец! – он помолчал, снял фуражку, погладил лысеющую голову рукой и продолжил. – Разложил я тут по полочкам все у себя в голове и выходит: будут у твоей Настасьи деньги на дорогу и на первое время для жизни в большом городе. Я ей дам эти деньги. Просто дом ее не продать, никто не купит, у каждого есть свой дом, но для дела он очень подойдет, вот для прикомандированных рабочих, например, таких, как вы. Пригодится этот дом, обязательно пригодится. Иду прямо сейчас к Настасье, а ты здесь оставайся, приведи в порядок документы. Я твою просьбу выполню, а ты – мою. Идет? – Николай Иванович протянул руку улыбающемуся Виктору.

– Еще как идет, дядька Николай! – ответил Виктор.

Ночью сосед Ванька вновь закатил скандал, выбил все стекла в доме Анастасии. К утру приехала милиция, забрала скандалиста в город. А Анастасию увез в город сам бригадир на собственном стареньком Запорожце. Он же посадил Анастасию в поезд до Москвы, купив ей билет в купейный вагон и оставив туго перевязанный платком сверток с деньгами.

04/11/2011

Беспощадное время (Пробуждение)

Василий проснулся оттого, что сильно ныло в правом боку, попытался повернуться, заныло и в левом боку. Из двух зол нужно выбирать меньшее зло, подумал он, поворачиваться не стал, но задумался. Молодой ведь совсем, а вот, видишь, болячки обступили со всех сторон. Сколько лет-то прошло с тех пор, как умерла Татьяна, так и не родив ему сына, с собой забрала его покойница. Пожалуй, уже лет как десять, а то и больше. Памяти совсем не стало, ну, память-то ясно, куда вся делась – водка съела.

Приподнявшись на локтях, Василий сполз с постели, некоторое время стоял на полу на коленях, боль постепенно ослабла. Тяжело сделать только первые шаги, потом – ничего, расходишься. На столе еще с вечера осталась недопитая водка в бутылке. Сделав глоток прямо из горлышка, он поперхнулся, закашлялся, а когда остановился, отодвинул бутылку от себя подальше и впервые за долгое время огляделся еще пока трезвыми глазами. Как медведь в берлоге живу, – думал он, глядя на свою постель. Постель – это условное название лежанки, сколоченной им впопыхах из нетесаных досок. Свою-то кровать, купленную еще вместе с Татьяной, срочно пришлось продать несколько лет назад. Прихворал он как-то среди зимы, легкие болели, нужны были лекарства,

ну, а кто их даром даст, хоть умри. Вот и пришлось за бесценок отдать одному приезжему мужику ту кровать, да и то хорошо – ожил хоть. Соседка, бывшая подруга жены, заглянула тогда, объяснила, что давно не видно, мол, его из окон, не дай бог, не случилось ли что? Попросил он ее в город съездить, да лекарства купить от воспаления. Тем и спасся.

Матрац с кровати выкинуть тоже пришлось. Чуть живьем не сгорел прямо на нем. Среди ночи закурил сигарету, да уснул – сильно пьян был. Проснулся от боли, бок уже подгорать начал. Хорошо, что проснулся, а то угорел бы, это – в лучшем случае, а так-то, сгорел бы вместе с кроватью, да и с домом вместе. Вместо матраца теперь две старые фуфайки, да полушубок, отцовский еще. Новую кровать собирался купить, работал по-человечески целое лето, подрабатывал, ферму строил с бригадой приезжих строителей. Так ведь что получилось, при получке недодали денег много, заплатили меньше, чем договаривались, ссылаясь на выпивки во время работы, а когда калым обмывать стали, он все свои заработанные денежки взял да и пропил. Не столько пропил, сколько вытащили, когда после обмывки пьяный валялся. Да, много, чего пропил, а, то и просто даром отдавал. На литр водки шкаф обменял трехстворчатый. Тоже с Татьяной еще покупали. Соседке-самогонщице все стулья и стол отдал, получил по бутылке самогона за каждую вещь. А телевизор те же самые шабашники украли, когда работу закончили и уезжали из этой деревни. Напоили, да увезли телевизор-то, когда

он пьяный спал, а может, и сам отдал, что с пьяного-то спросишь.

Разглядывая дом изнутри, Василий только головой качал, рамки с фотографиями стали совсем черными, это от копоти. Даже свадебные два портрета, его и жены бывшей, нельзя было рассмотреть. Нехорошо, ох как все плохо, – думал Василий, и скупая слеза пробежала по его грязной щеке. Василий поднялся с ящика, служившего ему табуретом, взял со стола, сделанного из ящика из-под спичек, недопитую бутылку и вылил ее содержимое в помойное ведро, стоявшее у порога под умывальником с соском. Видать, что-то перевернулось в его душе, он смял растормошенную пачку папирос и тоже отправил ее следом за водкой. Всю жизнь не курил по настоящему, так, только когда выпьет. Собрав все бутылки, а их было огромное количество, поставил мешки с ними у порога. Он разгладил лицо руками, поправил одежду, сходил к колодцу за водой, налил воды в умывальник и, с трудом, отыскав кусок мыла, тщательно умылся, смыв всю многодневную грязь со своего лица. Вроде, как и легче стало даже.

Лариска, продавщица в магазине посчитала да и поставила на прилавок сразу пять бутылок водки, только отказался Василий от них. На вырученные от бутылок деньги купил кое-каких продуктов на первое время, а от водки отказался. Она, проклятая, во всех его бедах виновата. Да еще сам виноват. Удивленная Лариска только сказать смогла:

– Как знаешь, дядька Василий.

Пришел на двор, тоже осмотрелся. Сарай набок скоро ляжет, срочно ремонтировать надо. Банька несколько лет нетопленая стоит. Вроде, крепкая еще банька, протопить, да помыться нужно, с год, поди, не мылся вовсе, даже в реке ни разу не искупался с этими пьянками. Помнится, прошлый год зимой у кума в бане мылся, тот хотел сделать из него человека, да не получилось, а ведь слово давал куму, что с выпивками завязывает навсегда.

За день Василий успел починить забор вокруг дома, стекла протер в рамах, а то заросли грязью так, что даже днем сквозь них на улице-то вечер уж кажется. Вышел в огород, кроме картошки не растет ничего. Хорошо хоть картошку вовремя посадил, соседи помогли, дай им бог здоровья. Но он на добро всегда добром отвечал, соседка, то дрова попросит поколоть, то помочь мешки с картошкой перетаскать. Не отказывал он никогда, даже пьяный, но такса у него была серьезная и постоянная: за каждый рабочий день – две бутылки самогона.

За домом в палисаднике нашел он еще две грядки лука. Интересно, кто же ему посадил этот лук, дай бог ему, или ей, здоровья. Ничего, жить можно. Картошки будет навалом, ешь – не хочу! Усадьба большая – тридцать соток. Надо бы где-то взять маленького поросенка, все, глядишь, с мясом зиму будет. Не поздно еще, если перед самым Новым Годом его зарезать. Нужно будет спросить у своих соседей, может,

у кого и есть поросята. Сарай-то теплый, отец еще помогал построить. Даже зимой тепло поросенку будет, а пока нужно только будет заготовить больше сена.

Заглянув в сарай, Василий обнаружил там два куриных гнезда, да штук с десяток яиц в них, по двору бегали штук двадцать кур, да звонкоголосый петух, который будит его по утрам каждый божий день. Вот, вроде бы и не так все плохо. Руки только надо приложить ко всему, да в порядок привести все хозяйство.

Обед приготовил Василий самый настоящий – из трех блюд. На первое суп приготовил из рыбной консервы, на второе – картошку с тушенкой говяжьей, она запашистее, чем свиная, ну, а на третье – листьев смородины заварил, чем не чай. Пожалуй, лучше еще будет. Вкуснее, по крайней мере.

Только прилег после обеда на свою постель передохнуть чуток, из сеней послышался стук, да бряк. Неужели, кто из друзей с бутылкой появился? Ну, нет! Ничего у них не получится, – думает Василий. – Ссориться не буду, но предупредить придется, что завязал он с выпивкой совсем. Жить еще хочется. Да какие еще годы?

С таким намерением и стал подниматься Василий с постели, тут-то и схватило его в бок, ни вздохнуть, ни охнуть. Так и сидел он, ухватившись за бок, пока дверь не открылась и не вошла соседка. Увидев корчащегося от боли Василия, она сразу жалобно запричитала:

– Бог с тобой Васенька! Что случилось? Не надо ли вызывать фельдшера?

– Не стоит, тетка Ирина. Не беспокойся. И так все пройдет.

– Ты что это меня все тетка Ирина, да тетка Ирина величаешь. Имя позабыл, так тетка-то причем? Какая я тебе тетка. Ведь я моложе тебя на два годочка.

– Да, не болтай, что моложе? – оторопел Василий. – Ведь ты жена дядьки Никифора будешь? А он, сколько лет тому помер-то?

– Ты с ума, что ли, Василий сходишь, или и сходить-то не с чего. До старости дожил, а ума все не нажил. Ведь Никифор Петрович-то отец мой, а тетка Ирина, как ты меня кличешь, мать моя родная. А я – Наталья, младшей дочерью была их.

– Да брось ты меня смешить, какая же ты Наташка? С той-то я по молодости погуливал еще, пока на Татьяне Ильиной не женился.

– Так вот, я и есть та Наташка, с которой ты погуливал, как говоришь. Не помнишь, как мы с тобой у ручья по вечерам встречались? Да и целовались там.

– Ты меня прости, только почему ты старая-то такая? Ты ведь такая хорошенькая была, если бы не Татьяна, наверное, на тебе бы женился. Я-то видишь, молодой еще совсем, на мне пахать, да пахать. А ты все бегаешь, как мышка серенькая. Бабушка – божий одуванчик. Нет, не верю я, что

Наталья ты. Не верю и все, хоть убей.

– Ты, говоришь, слишком молод? У тебя зеркало в дому есть?

– Зачем мне зеркало? Что, я свою физиономию не видал, что ли? А бреюсь я на ощупь. Вот и не нужно мне никакое зеркало. Было когда-то, да при живой Татьяне еще разбил, когда пьяный был.

– погоди, принесу сейчас из дома.

– Да зачем?

– погоди. Увидишь.

Наталья проворно исчезла за дверью. У Василия в голове не укладывалось все то, что он услышал сегодня, только что. А ведь правду говорит старуха, что по молодости они с Натальей все целоваться бегали на этот ручей. Тогда, что же с ней стряслось? Старая такая на вид, да убогая какая-то. А так-то, ничего еще, бегом бегают. Вон, бежит.

Наталья вошла в дом, держа в руках, как икону, большое зеркало, встала возле окна, чтоб виднее было, да попросила подойти Василия.

– Ну, вот. Что притащила-то, икону что ли? – ворчал Василий, но к окну подошел. – Показывай, что приперла-то.

– Гляди, гляди батюшка. Узнаешь?

Василий сразу-то и не понял, что там, на картине изображено, вроде мужик какой-то небритый, да не мужик, а старик вовсе. Руку поднял, чтобы свою щетину пощупать, глядит, и там старик рукой по лицу водит. Господи! Так неужели это

я таким стал? Старый, обросший весь, на бомжа самого последнего похож, – думает Василий, а у самого сердце кровью обливается. Насмотрелся на себя в зеркале, ничего говорить про то, увиденное, не стал, а отошел от окна, сел на ящик и задумался. А Наталья так у окна и осталась стоять. Тоже молчит, видит ведь, что переживает мужик, а какие мысли его одолевают, одному ему известно, да господу богу. Заговорил Василий:

– Наталья! Помоги мне в порядок привести мой дом. Отмоем, отскоблим, да заживем вместе. Нет ведь у тебя здесь никого? Одна живешь? Слово тебе сразу даю – не увидишь ты меня пьяным больше никогда в жизни.

Наталья пожалала своими худыми плечиками, да тихо так и говорит:

– Поживем, увидим.

Эти ее слова Василий истолковал, как согласие Натальи жить с ним.

– Когда же это так мы успели состариться? Как ты думаешь, Натальюшка?

– Ох, Василий, Василий! Мне хоть она и длинной показалась, да не видела я, эту жизнь-то настоящую. Плохо ведь быть в семье последним ребенком. С детства помню, прижмусь в постели к матери ночью, да плачу. Мать спрашивает меня, что, мол, плачешь? Да жалко, говорю, мне всех вас. Вы ведь все старше меня, умрете-то все меня раньше. Все так и было. Как ты женился тогда на Таньке-то, так и стали

все мои родные один за другим умирать, все по порядку, да по возрасту. Есть племянники, да не нужна им я, тетка какая-то. Вот была самой младшей в семье, а семья-то была большая, так одна и осталась.

– Так ты что, меня винишь, что твои родственники померли после того, как я не на тебе женился?

– Да нет. Может, сказала бестолково, а может, ты, что-то не понял. Не то я имела в виду. Ты женился, лет уж, чай, тридцать тому назад, времени много прошло с тех пор. А оно беспощадно это время-то. Вот оно и нас с тобой состарило. Только ты его часто и не считал. Летело оно, ну и лети ты. Все молодым себя видел, времени в запасе – хоть отбавляй. Успею, мол, все еще успею сделать. Ну и с чем ты остался? Будешь, вот, немощным стариком, видела я, как ты за бок хватался, и воды ковш тебе подать некому будет. Ты ведь тоже дожился, один одинешенек остался.

– Да, Наталья. Есть, конечно, где-то родственники у меня. В городе живут. Но я к ним никаких претензий не имею. Пусть живут сами по себе.

– Я тебе вот что предлагаю. Поживем пока в двух домах, а приведем в порядок твой дом, а он у тебя покрепче моего, в два раза позже построили его, вот и перееду я к тебе навсегда. Друг другу опорой будем. Рассуди сам, ждать милости от господ бога поздно: ко мне не приедет рыцарь на белом коне, а ты не встретишь Елену Прекрасную. Прошло то время, а оно, повторяю тебе еще раз, беспощадно. Нет возврата

к старому.

– Дай обдумаюсь. Сообразить еще не могу, что делать нужно. Пару дней хватит мне, хмель дурной еще из головы не вышел, да и здоровье что-то крепко село. За два дня оклемаюсь, да и возьмемся мы с тобой за дело. Много в жизни опустил, наверстывать все надо, а не то пройдет она, жизнь-то, совсем стороной. А ты приходи ко мне эти два дня, наведывай. Вдвоем-то все легче.

На следующее утро Натальюшка появилась в доме Василия ни свет, ни заря. Пока Василий лежал на своей кровати, она выбросила все ящики, которые служили стульями, собираясь взамен принести пару стульев из своего сарая. Был выброшен на дрова и стол. Василий только рукой махнул:

– Делай, как знаешь, Натальюшка.

Наведя ведро теплой воды со стиральным порошком, соседка часа два отмывала грязь с полу всего дома. Грязь прямо въелась в краску, видать не мылся этот пол никогда после смерти хозяйки. В доме запахло землей, нечистотами и еще черт его знает чем, разведенными теплой водой. Наталья открыла нараспашку все окна и двери, чтобы дух этот поскорее выветрился из жилья.

Василий, когда нытье в боку прекратилось, вышел во двор, что-то пилил, стучал молотком, затем зашел снова и попросил у Натальи сделать ведерко такой же воды с порошком:

– Лестницу сделал. Пойду, промою прямо с улицы окна,

а то свету божьего не видать. Гляжу, в доме-то как чисто да ладно стало, а сквозь окна и людей не видать на улице.

– Да лежал бы ты, раз нездоров еще. Впереди времени много будет.

– Душа не терпит смотреть, как ты пластаешься, а я лежать буду.

Когда все пять окон дома стали сверкать и пускать солнечные зайчики, Василий взял у Натальи ключ от сарая, где лежала старая мебель, принес охапку еще совсем неплохих «Венских» стульев и облезлый круглый стол. Оставив их во дворе, он сбегал к столяру, которого почему-то все звали Алеша-ляля, привел его, показал свою новую старую мебель, и они оба исчезли, забрав все с собой.

На следующий день, когда Наталья вошла в дом Василия, она только руками всплеснула. Посреди зала стояла новая мебель, еще остро пахнущая лаком, круглый стол и четыре венских стула. Она сначала даже не признала в новой мебели свое барахло и спросила:

– Деньги-то, где берешь, занимаешь, наверно? Отдавать-то чем будешь? Работать нужно пойти.

– В том-то и дело, Наташа, что Алеша-Ляля даром мне все это сделал, да еще и приглашает на работу к себе, его помощником. Он у себя фирму мебельную открывает, вот ему помощники и нужны. Разговор у меня с ним был, говорит, чтобы этого ни-ни, – он щелкнул ниже подбородка по шее пальцем.

– Ну вот, ты и не подводи себя, хорошим будь, Васенька. Ведь душа радуется, глядя на тебя такого – трезвого, да работающего.

– Не говори мне так. Раз сказал, что капли в рот никогда не возьму, значит все так и будет, Наташа! И не возобновляй больше мне этого разговора.

– Тоже слово даю, не услышишь ты от меня никаких правонарушений, если все так будет.

Прошло время. Общими усилиями Василий с Натальей привели в порядок дом. Василий работал в фирме Алешин-ляли, получая за свой труд хорошие деньги, на которые можно было уже жить припеваючи вдвоем с Натальей. Мебель для дома он, с разрешения хозяина, сделал сам по своему вкусу. Жизнь, как его, так и его соседки Натальи изменилась до неузнаваемости к лучшему. Наталья, видимо крепко обдумав свое решение, впервые осталась ночевать у Василия в доме. Утром, счастливый Василий, выбравшись из семейной постели, долго и возбужденно ходил по комнате и, наконец, присев на кровать, в которой еще нежилась его Наталюшка, раскидав по подушке свои прекрасные волосы, наконец, заговорил:

– Счастливый я человек. Вот ведь чуть не спился полностью. Да ты, Наталья, как ангел, какой, в мою келью вовремя заглянула, да вытащила меня на свет божий. К старому возврата у меня не будет никогда больше. Хочу спросить, как же

ты сберегла-то себя? Это у нас с тобой по молодости ничего не было, целоваться только бегали к ручью. А ведь после, когда я женился на Татьяне Ильиной, за тобой такие ловкие ребята увивались, что только оторви, да брось. Как только ты умудрилась устоять перед ними?

– Да тебя, ведь, я всю жизнь любила, а как Татьяна умерла, все ждала, да надеялась, что бросишь ты пить, придешь в себя, тогда, может и вспомнишь нашу прежнюю любовь. А ты так долго не приходил в себя. Вот и надела я материнскую кофту с длинной юбкой, да платочком волосы по-стариковски подвязала. За эти годы я ни разу брови не подвела, ресниц не красила, думала, что не придется мне никогда делить ложе с любимым человеком. Да бог смиростивился, разум тебе вернул. Теперь все хорошо у нас должно быть. Никак нельзя допустить размолвки, много ли жить нам осталось. Может быть, вот поживем вместе немного, да в церкви обвенчают нас. Сделаем все по-христиански, по традициям веры отцов наших. Согласен ли ты с моими словами?

– Еще как согласен я с тобой, Наташенька!

11/11/2011

Билет до ближней станции

Владимир подошел к окошечку с полукруглым вырезом в самом низу стекла и, слегка пригнув голову, заглянул внутрь маленькой комнатки, кассы по продаже железнодорожных билетов на пригородные поезда, отходящие со станции Йошкар-Ола в сторону Казани. По ту сторону стекла сидела кассирша, внешний вид которой заслуживал особого внимания. Она поздоровалась и вопросительно с улыбкой смотрела на молодого мужчину, ожидая, что он скажет. Владимир смутился от ее взгляда и медлил с покупкой билета, благо, народу вокруг не было. До поезда, по расписанию, был еще целый час. Люди не торопились.

Кассирша, видя нерасторопность будущего пассажира, спросила его:

– До какой станции вам нужен билет?

Он не ответил, потому что растерялся под взглядом обаятельной женщины и никак не мог вспомнить название этой небольшой станции, куда он собирался попасть, он приоткрыл рот, приподнял руку и закатил глаза под потолок, пытаясь вспомнить. Она повторила вопрос, но еще добавила:

– Вам ведь на этот поезд? – назвав номер поезда.

– Да, да! На этот самый поезд. Нужен билет до..., до..., – тут он взмахнул рукой и смущенно сказал. – Мне бы в «Детство» попасть. Правда, я забыл, как называется станция,

но она тут, недалеко. Она самая первая станция.

Лицо женщины за стеклом приняло выражение озабоченности, она прекратила улыбаться и очень странно стала смотреть на молодого мужчину. Так она смотрела на него некоторое время, потом, глаза ее словно засветились, а может, просто заблестели от внезапно навернувшихся слезинок. Быстро промокнув глаза платочком, она тихо сказала:

– Я продаю билеты на поезда здесь почти десять лет, но вы..., вы первый человек, который попросил билет в «Детство». Вот, пожалуйста, ваш билет. Счастливого пути вам!

Она протянула ему картонный прямоугольник билета с маленькой дырочкой посередине. Он, отходя от кассы, внимательно рассмотрел надписи на билете и, прочитав, заулыбался, повернулся в сторону кассы и помахал рукой хорошенькой женщине, которая продолжала смотреть вслед уходящему пассажиру.

Владимир несколько раз подходил к автомату, большому железному ящику и пил шипучую и кусачую газировку с сиропом по три копейки за стакан, после чего пришлось бегать по вокзалу и искать дверь с изображением на ней «пишущего мальчика». Но все это было не главное, о главном он задумался, когда занял свободное место на диване в зале ожидания. Как встретит его родной дом? Сохранился ли он? Небольшой домик, с двумя окнами на улицу, тогда он был еще совсем новым, только что построенным. Его построил

сам отец. А потом они переехали и стали жить в городе.

Когда Вовка закончил первый класс, учась в городе, ему нестерпимо захотелось побывать в том маленьком поселке, где прошли его самые юные годы. Что манило его туда, что толкнуло его пойти пешком прямо по железной дороге, он не понимал до сих пор. Надо же было восьмилетнему мальчишке в воскресный день отпроситься у матери погулять и уйти пешком в страну своего детства. Он целеустремленно шел по лугам, переходил реку по железнодорожному мосту, а остаток пути шел по бескрайнему лесу.

Ноги привели его прямо к домику, к которому он так стремился. Вовка долго ходил около дома, жадно всматриваясь в окна в надежде увидеть что-то родное. Но подходил вечер, никто так и не открыл ему ворота во двор дома, а об обратной дороге в город он так и не подумал. Хорошо, что в это время возвращалась из магазина соседка, знавшая Володьку. Родители дружили с этой женщиной и между собой называли почему-то ее Зиной Черной. Вовке она нравилась за то, что любила его и, при случае, угощала конфетой. В этот раз, увидев Вовку, она подошла к нему, обняла и спросила:

– Родители-то где?

– Там, дома остались, – не соврал Вовка.

– Как же ты здесь оказался? На поезде приехал один?

– Нет, я пешком пришел – ответил Вовка и заплакал. Плакал долго, умываясь слезами.

– Не реви, – строго сказала тетя Зина. – Сам же набедо-

курил и воет еще. Ты давно ушел из дома? Вот, глупенький, шел-то зачем? Ах, на дом посмотреть!

Женщина задавала Вовке кучу вопросов, а он от слез не мог говорить, а только кивал головой. А когда Вовка ответил ей, что шел на дом посмотреть, она, вроде как смягчилась, лицо ее стало гораздо добрее, она погладила Вовку по голове и сказала:

– Ладно, ладно, будет реветь-то. Соскучился по дому, вот и пришел, а я вот, до старости дожила, а так и не собралась побывать на своей родине. Не помню уж, какой он был отчий-то дом. Маленькой мне он казался огромным. А какой он на самом деле, видать, не увижу никогда. Не собратсья мне больше съездить туда.

Прекратив гладить Вовку, тетя Зина запустила руку в свою кошелку, достала буханку белого хлеба, пеклеванного, отломилa почти треть его, запашистого, и сунула в руки Вовки.

– Поешь, поешь! Голодный, чай, с утра.

Вовка вонзил свои зубы в хлеб и принялся уплетать его. Только сейчас он почувствовал голод. Еще бы, целый день ничего не есть. Тетя Зина покрутила головой, спросила кого-то про время, а получив ответ, подхватила Вовку за руку и быстро потащила его в сторону станции, на ходу объясняя:

– Поезд вот, вот подойдет, Вовка! Поторопиться надо, а то не успеем на него. Я тебе билет куплю, до города доедешь и больше никуда не сворачивай, прямо до дому дуй. Понял

меня? А в следующий раз, захочешь дом посмотреть, с матерью или с отцом приезжайте. Заодно, и меня, старую, навестите. Договорились?

Вовка покивал головой.

Подошел поезд. Вовка успел доесть весь хлеб и, даже, запил его водой из колонки. Тетка Зина принесла ему билет, такой прямоугольник картонный, с дырочкой посередине, сунула его Вовке в карман и посадила на подножку вагона. Вдогонку она успела прокричать:

– С матерью приезжай, Вовка!

– Ладно, приедем! – ответил Вовка и пошел занимать место в вагоне, чтобы было возле окна.

Только не приехал Вовка ни летом, во время каникул, ни через год. Двадцать лет прошло с того его визита в «Детство». Тетка Зина не дождалась Вовку, ни одного, ни с матерью. Мать написала Владимиру как-то в письме, что умерла тетка Зина, спрашивала, помнит ли он еще ее. Кого из знакомых может еще увидеть Владимир там, в поселке, по приезду? Можно и без знакомых обойтись, прикрыв глаза, думал он. Посмотреть бы на родные места, на домик, который построил отец и в котором когда-то жил Вовка и больше ему ничего не надо.

Когда подошло время, Владимир сел у окна в полупустом вагоне. Беззвучно за окнами вагона поплыли привокзальные строения, затем медленно ушли назад зеленые луга, замель-

кали фермы моста через небольшую реку Кокшагу, и в вагоне стало темнее, густой смешанный лес стоял стеной по обе стороны вагона. Ближние деревья проносились мимо, удаленные медленно проплывали в стороне. Казалось, что лес не кончится никогда, но снова появились деревянные дома, обозначились улицы, по дорогам катили машины, люди шли по дорожкам вдоль домов, толпились кучками около открытых дверей магазинов, стало видно деревянное здание небольшого вокзала.

Выйдя на платформу, Владимир быстро отыскивал направление, куда ему предстояло идти к заветному домику. Он шел, а сердце его от волнения готово было выскочить из грудной клетки. Справа осталась школа, тоже деревянная, двухэтажная. Он помнил ее с того самого детства, а запомнилась она ему потому, что здесь он первый раз в жизни встречал Новый Год с настоящей украшенной елкой и настоящими Дедом Морозом и Снегурочкой.

Ну, вот и дом, тот самый дом, который когда-то построил отец. Сейчас дом ему показался совсем маленьким, почти игрушечным, всего два окна смотрели на улицу. В одном из окон показалось лицо немолодой женщины, заинтересованно наблюдавшей за Владимиром. Затем оно исчезло, и, вскоре, открылась входная дверь, женщина вышла на крыльцо. Она приложила руку ко лбу, загораживая глаза от солнца, и через забор стала наблюдать за высоким мужчиной, осматривающим ее дом.

Владимир, глядя на домик, вспоминал, как жили они тогда. Жили, конечно, бедно. Кровать, лавки и табуретки были сделаны самим отцом. Электричества в домах не было, а когда установили дизель-генератор и протянули провода прямо к домам, сообщив при этом, что вот-вот подадут в дома электроэнергию и будут гореть электролампы, Вовка долго лежал на лавке и не сводил глаз с лампочки, висящей под потолком, боясь пропустить тот самый момент, когда она вспыхнет. Лампочка вспыхнула, ее свет жег глаза, как сварка, хотя была она всего двадцати пяти ватт мощностью.

– Чего встал тут, да в окна заглядываешь? – Владимир вздрогнул от внезапно раздавшегося басистого голоса. – Говори чего надо? Я тут хозяйка!

Владимир растерялся от неожиданных вопросов, но подошел к хозяйке, стоявшей уже в открытых воротах.

– Жил я когда-то в этом доме. В детстве. Вот и решил взглянуть на дом из «Детства».

Грубая на вид женщина внимательно осмотрела гостя, чуть посторонилась и, показав рукой на крыльцо, сказала:

– Похоже, что так. По глазам вижу. Проходи, коли пришел в дом из «Детства».

Голос ее звучал уже мягко и доброжелательно.

Подходя к крыльцу, Владимир оживился, вспомнив:

– А под крыльцом мы козу держали! С той стороны крыльца вход.

– Держим и мы. Только сейчас она на пастбище.

– Там под крыльцом окошечко есть из подпола для вентиляции. Мы с племянником, помню, из дома через него и вылезли, когда мать оставила нас в запертом доме. Поутру ушла лошадей кормить на конюшню, думала, что мы не пробудимся, а я рано что-то поднялся и поднял переполох. Из окна прыгать на землю побоялись – высоко. Так мы, вот, через козье жилье и выбрались из дома.

– Не лупила, мать-то? – уже со смехом спросила хозяйка дома.

– Лупить не лупила, только ругала, отец, тот бы подзатыльник отпустил, – согласился Владимир. – Только, в город он зачем-то ездил, не было его в ту ночь дома.

– То-то!

Войдя в дом, Владимир подивился тому, как мал был дом, как было мало свободного места. Почти четверть всей площади занимала русская печь. Еще он увидел старую отцовскую скамейку на кухне вдоль стены. Надо же, сколько лет прослужила. Заныло сердце, Владимир попрощался с грозной на вид, но доброй душой, женщиной, сказал «спасибо». Она вышла его проводить до ворот, а в след напутственно сказала:

– Живы если родители, передай привет от нас, а ты сам-то заезжай, если надумаешь родной дом посмотреть. Быстро уж ты как-то собрался уходить. Сын должен приехать, посидели бы, да чайку попили. Я бы, чем и покрепче угостила. Ну, да ладно. Давай, с богом. Да, приезжай, если надумаешь.

Владимир только покивал головой, говорить не мог, сперло дыхание. Он еще раз оглянулся на дом, у ворот которого стояла женщина, махнул ей рукой и направился быстрым шагом к небольшой березовой рощице около железнодорожного вокзала, чтобы там на скамеечке скоротать время до прибытия поезда.

Снова прошло много лет. Побыв в гостях у оставшихся родственников, Владимир попрощался и заказал такси, чтобы успеть к отправлению поезда до Москвы. Чемоданы он не любил, в поездках всегда обходился дорожными сумками, так и сейчас, с сумкой на широком ремне через плечо, он прошелся по вокзалу, все тому же, старому. Рассматривал буквально все, останавливался около всех киосков, заглядывал в лица людей находящихся в залах вокзала в надежде встретить хоть одно знакомое лицо. Но, видимо, слишком много времени прошло, знакомых не стало. Грустно? Конечно, грустно! Родной город стал совсем чужим.

С таким настроением он оказался около кассы на пригородные поезда. Народу тут не было, до поезда еще оставалось много времени. Проходя мимо окна кассы, он заглянул через стекло внутрь помещения. Там, перед окном, сидела миловидная женщина с сединой в волосах, которая, почувствовав у окна человека, взглянула на него и сразу заулыбалась. Владимир чуть узнал ее, подумав про себя, как время меняет облик человека. Но и он заулыбался и поздоровался. А она сказала ему:

– Кроме вас никто не просил у меня билет до «Детства». Кругом практичные и скучные люди! Как они живут? А я о вас поначалу долго вспоминала, сейчас стала забывать, но вы напомнили о себе. Вам билет до «Детства»?

Владимир машинально кивнул головой, не думая и не гадая, что он с ним будет делать, как обойдется с этим билетом. Он вынул из кармана деньги и рассчитался за билет, продолговатый прямоугольник из картона с дырочкой посередине.

– Счастливо вам побывать в «Детстве»! – пожелала добрая женщина ему на прощанье.

Он только кивнул головой, отходя от кассы. Он не мог говорить, снова сперло дыхание. Прочитав написанное на билете, он обернулся назад и махнул рукой смотревшей ему вслед милой женщине, которой тоже, было не по себе. Она стояла за стеклом, сложив руки на груди.

Взглянув на вокзальные часы, Владимир вышел на перрон, Московский поезд уже стоял у платформы, и полным ходом шла посадка. Владимир вошел в свой вагон отыскал свое место и, достав из кармана заветный билет в «Детство», стал перечитывать все, что там было напечатано. Билет был до станции «Детство», а дата, проколотая крошечными отверстиями, была датой его прошлого визита в «Детство». Сколько же лет добрая женщина берегла этот, специально изготовленный для него билет? Нет, город не чужой, если о тебе помнит, хоть один житель этого города.

30/12/2014

Букет

Мрачное небо, изморось, серые панельные пятиэтажки с мокрыми боками от постоянных дождей – никуда не деться от погоды, осень. Вспоминается: «Унылая пора, очей очарование». Нет, сейчас уже нет того очарования, что происходило с природой месяц назад. Сейчас, «уж небо осенью дышало, короче становился день». Кусты черной акварелью нарисованы на все еще зеленых газонах возле домов. Но цветов уже нигде не видно. Заморозки по ночам, хоть и легкие, но много ли надо такому нежному созданию, как цветок, уничтожили все многокрасочное очарование. Даже падшие листья под деревьями стали превращаться в труху серого цвета. Природа готовится к зиме. Вот выпадет снег и все преобразится. Но, это только будет когда-то, а что сейчас?

Я работал тогда недалеко от дома, от моего жилья. В любую погоду пройти эти триста метров пути для меня было большим удовольствием. Именно по утрам и вечерам встречаешься с людьми, которые в течение дня недоступны для взгляда, они работают. В одно погожее утро я шел на работу нарочно медленно, глядел под ноги, чтобы не оступиться случайно в выбоину в бетоне дороги, заполненную грязной водой. Периодически бросал свой взгляд вперед, чтобы увидеть случайную машину, двигавшуюся навстречу и вовремя уйти с дороги. В этот раз машин не оказалось, но мой

взгляд постоянно упирался в фигуру идущей впереди женщины. Если судить по одежде, а ее одежда была типична для всех женщин и мужчин в это время года, да еще и посмотреть на нее со спины, вряд ли сможешь сделать объективную оценку ее внешности. А на ней был одет джинсовый костюм, на голове – что-то наподобие кепи, тоже джинсовое. На ногах черные полусапожки на шпильках. Я ускорил шаг и, вскоре, обгоняя женщину, мельком посмотрел на нее. Она уловила мой взгляд и моментально лучики-морщинки побежали от ее глаз. Глаза улыбались. Для первого знакомства довольно, подумал я, но про себя отметил, что она неплоха собой и раньше я ее совсем не встречал. И откуда она взялась, такая? Может, случайная? Поживем, увидим. Не оглядываясь, я ушел от нее.

На следующий день, помня время, в которое я вчера вышел из дому, точно так и вышел. И что же? Дорога была пуста. Мне было немного жаль, что вчера не заговорил с незнакомой женщиной. Но тут – же я обомлел от внезапно увиденного, она, эта женщина, выходила из подъезда соседнего дома. Я оказывался идущим впереди ее, мне это не было на руку, хотелось подойти к ней незамеченным. Я круто развернулся и пошел в обратном направлении, а когда вновь развернулся, она стояла на перекрестке, повернувшись в мою сторону и, глядя на меня, махнула мне рукой, наверное, мне, больше было некому. У меня кровь прилила в голову, когда приближался к ней, соображая, как мне вести себя. Все рав-

но она какая-то необычная. Наверное, она думала обо мне, по крайней мере, вспоминала, раз с самого утра так активна. Могла бы и не увидеть меня. Поравнявшись с ней, я сказал: «Здравствуйте». Она улыбнулась и кивнула головой, а через мгновение проговорила: «Здравствуйте». Обогнав ее, я все-таки мельком взглянул в ее глаза. Все те же лучики у глаз от улыбки. Заговорить с ней я так и не решился, а что сдержало меня, непонятно. Обогнав ее, я не оглянулся ни разу.

Утром следующего дня ничего особенного не произошло, все те же «Здравствуйте», те же лучики у глаз и ничего нового. Шел на работу и разбирался в уме сам с собой. Что, в конце концов, мне от нее нужно? Довольно того, что она просто улыбается мне, легко, одними глазами, но улыбается. И, притом, мне. Достаточно этого.

Я стал меньше думать об этой женщине, а временами просто забывал утром выйти вовремя, чтобы встретиться с ней. Чаше получалось видеть ее в воскресные дни. Я старался всегда увидеть ее первым, для того, чтобы выбрать путь соответствующий моему настроению. Некоторый раз я сразу шел на сближение с ней, чтобы увидеть ее вблизи и поздороваться с ней, другой раз, когда она шла с лыжами и была одета по-спортивному, старался приблизиться к ней незамеченным, чтобы лучше разглядеть ее хорошенькую фигурку. Бывало, что я забывался и без конца шел за ней следом, не сводя с нее глаз. Я подмечал каждое ее движение, каждый шаг фиксировался у меня в памяти, но и она, видимо, тоже

контролировала каждый мой шаг. Как ей только удавалось делать это? Однажды я так увлекся преследованием ее, что вслед за ней перешел дорогу и вышел на заснеженное поле, где все было видно, как на ладони. Она нагнулась, чтобы надеть лыжи на ботинки, я повернул, было, обратно, но скип снега под каблуками ботинок выдал меня. Не разгибаясь, она посмотрела все же на меня, получилось как-то из-под руки, тут же разогнулась и просто попросила:

– Помогите надеть лыжи. Раз уж вы здесь.

Около нее, сойдя с тропки, я провалился в снег по колено. Она ойкнула и жалобно сказала:

– Ну, вот! Вы простудитесь теперь, ведь у вас полные ботинки снега. А виновата в этом только я. Простите!

– Да, бросьте вы! Какая может быть тут простуда. Дом рядом, – успокоил ее я и, нагнувшись к ее ногам, скоро закрепил ее ботинки в металлических лыжных креплениях. Над собой я слышал ее дыхание.

– Ну, я поехала. Спасибо.

Она не торопясь уходила от меня, не оглядывалась ни разу, словно я не оставался стоять на тропке, а я не уходил, опасаясь, что она оглянется и, не увидев меня, расстроится, или, просто, ее отношение ко мне изменится в худшую сторону. Она дошла до опушки леса, так ни разу не оглянувшись, и вскоре исчезла между деревьями. Только тогда я направился домой.

Всю зиму я с нетерпением ждал весну, не ту весну, кото-

рая мокрая, грязная, остро пахнувшая талыми водами, а ту, которая заставляет распускаться кусты и деревья. Ждал ту весну, которая заставляет цвести зеленые лужайки и, в конце концов, заставит женщин раздеться и подставить свои бледные тела под солнечные лучи.

Снег сошел в марте, но апрель был настолько прохладен, если не использовать слово – морозен, что к маю, ни на одном дереве еще не распустились листочки. Тепло пришло только в первых числах мая, но никто не роптал, куда деваться – Сибирь, матушка. Бывало и хуже.

Ранним теплым весенним утром я вновь оказался позади незнакомки и был глубоко разочарован, увидев впереди себя красивую женскую фигуру, испорченную и увеличенную брюками цвета индиго. Правда, вторую верхнюю половину тела прикрывала красивая и аккуратная курточка, но и она не меняла общей картинки. Я, даже, постарался обогнать ее, как можно быстрее, чтобы не разочароваться полностью.

Вот так, вот, женщины преобразились, превратились наполовину в мужчин, добившись отмены ограничений по признаку пола. Вот они, результаты эмансипации женщин. Помните, как в фильме «Гусарская баллада» говорил Кутузов, накалывая крест на грудь мундира Шурочке: «Девчонкой был бы краше». Приятнее было бы посмотреть на голые красивые ножки женщины, простирающиеся от крохотной юбочки до самых каблучков обуви. Тут уж есть на чем остановить свой взгляд, чем полюбоваться.

Вечерние часы в будни и целиком все дни отдыха приходится проводить на огороде. Нужно наверстывать с землей. А между тем, в палисаднике около домика, где наш огород, начали набирать цвет ландыши – настоящее чудо природы – нежное и прелестное.

В будни приходилось выходить на работу вобрез, после работ на земле, долго не мог уснуть, а утром стал просыпаться. По-видимому, из-за этого свою незнакомку не приходилось совсем видеть. Какая там она стала? Неужели не сбросила с себя этот цвет «индиго». Посмотреть бы на нее, хоть краешком глаза взглянуть на нее, скинувшую с себя брюки.

Возвращался с огорода поздненько, людей на улице в это время уже не было, нет ведь еще летнего тепла, по вечерам становится прохладно, а к утру, неделю только, как нет заморозков.

Я с нетерпением ожидал того момента, когда передо мной появится моя красавица. Я уже знал ее имя, но только понаслышке. Кто-то, однажды, при мне окликнул ее: «Рита!». Она в ответ помахала рукой какому-то мужчине и изменила направление своего движения, направляясь к нему. Мне, в тот момент, стало немного горько, что она идет не ко мне. Но это было когда-то, а теперь я с нетерпением жду ее появления. Прошли дни, стало гораздо теплее. В палисаднике расцвели ландыши. Я, ежедневно, после работы на огороде, по обыкновению, выбирал три самых крупных и полностью расцветших ландыша, срезал их вместе с крупными листья-

ми, и нес домой, чтобы порадовать жену этим бело-зеленым букетиком.

Прекрасные цветы, на фоне темно-зеленых продолговатых листьев, на длинной светло-зеленой ножке, крохотные белоснежные колокольчики с дурманящим запахом. По-моему, нет ничего дивнее этого запаха. Он не только дурманит и кружит голову. Этот запах заставляет сердце учащенно биться.

Теплые дни усиливали мое нетерпение увидеть мою незнакомку без лишних оболочек, без одежды, скрывающей ее фигурку. Девчонки на улице ходили уже в Нет, вру. Это раньше, когда-то, стоило только солнечным лучам пригреть немного землю, женщины начинали робко раздеваться: обнажали ноги и плечи, а получив дозу ультрафиолета и окрасив тело в коричневый от загара цвет, освобождались от всего лишнего, мешающего показать их прелести.

Часто бывает, что лицом красавица обладает более чем скромной фигуркой, и наоборот. С таким мне приходилось встречаться. Никогда не забуду, как однажды в Бресте, в ожидании своего поезда мне с женой и с детьми, пришлось почти целый день просидеть в зале ожидания, правда, на мягких креслах. С детьми нельзя было уходить с обжитых мест, обязательно займут другие пассажиры, кресла дефицитны. Уйти можно, но вернуть утеранные места, вряд ли удастся. Уставших детей, тогда, придется носить на руках. Вот и приходилось по очереди нам с женой сидеть и охра-

нять свои места.

Жена уходила с девчонками на прогулку, а я оставался. Приходилось даже отбиваться от людей, желающих занять уже насиженные нами места. Но больше всего мне нравилось наблюдать за людьми вокруг и за всем происходящим с ними. Красивую женскую фигурку издалека разглядишь. Вот и тут, несколькими рядами ближе к выходу, с места поднялась высокая женщина с красивым телосложением и изумительной прической, излаженной из каштанового цвета волос. Я непрерывно глядел на нее, боясь отвести взгляд и потерять ее из вида. Около нее бегали двое маленьких детишек. Женщина разобралась с их носами, поскольку в руке ее был виден большой белый платок и, пятясь назад, вновь села на свое место на диване. Тут мне не удалось увидеть ее лица, наверное, очень красивого. Я стал с нетерпением ожидать с прогулки по привокзальным садикам жену с детьми, чтобы под предлогом «схожу, разомнусь», пройти к выходу из зала ожидания и вернуться назад, чтобы разглядеть затерявшуюся среди ожидающих пассажиров привлекательную женщину. И что вы думаете, таковой я не увидел. Показалось странным, минутами раньше, я видел ее со спины, она больше не поднималась с места, уйти она не могла. Тогда, почему я ее не увидел? Эксперимент пришлось повторить, и снова — ничего. Разочарованный и немного расстроенный, я уселся на свое место и прекратил даже думать о ней, об этой иллюзорной красавице. Случай поставил все на свои места: дети

с криком убежали от матери и по проходу кинулись в мою сторону, гоняясь друг за другом. Обеспокоенная мать вско-чила, ее прелестная фигурка вновь появилась перед моим взглядом, и кинулась за детьми. То, что я увидел... Не стоит больше говорить ни слова, ибо они, слова, опорочат женщину, чью-то жену, мать хорошеньких, но шаловливых детей.

Однажды, теплым вечером, когда солнце было готово спрятаться за горизонт, возвращался я с огорода домой. Шел медленно, устал, да и погода расслабляла – тепло и легкий ветерок, который, казалось, выдувал из тела всю усталость. В руке, бережно держал маленький букетик ландышей, перевязанный какой-то длинной травинкой, периодически подносил его к лицу и вдыхал неповторимый аромат. Сердце начинало стучать быстрее, хотелось чего-то очень и очень хорошего. Подходя к углу дома, за которым уже был виден и мой дом и, даже, подъезд, я встретился с моей, ожидаемой мной, молодой и очаровательной женщиной. Мне трудно было ее разглядеть, ведь мы почти столкнулись с ней. Я видел только ее большие темные глаза и лучики, бегущие от края глаз к волосам. И еще я разглядел ее высокую грудь, белеющую в вырезе яркого цветастого сарафана.

– Здравствуйте, – вырвалось у меня.

– Ой! Здравствуйте, – сказала она. – Откуда это вы?

– С огорода. Устал, а вас я не ожидал встретить, но так хотел!

– Правда? У меня есть немного времени. Может, сядем

на лавочку, вы заодно и отдохнете.

– Да. Лавочка – это хорошо. – Только, возьмите вот этот букетик, – я протянул ей сорванные мной ландыши, три цветочка, перетянутые какой-то длинной травинкой.

Женщина была очарована подарком. Закрывая глаза, она вдыхала в себя дивный запах, от которого начинало биться учащенно сердце и хотелось жить и любить, любить, любить! Наконец-то, успокоившись, она указала на лавочку, где хотела бы сесть, пошла первой, и я, в этот момент, успел рассмотреть мою незнакомку в новой, непривычной одежде. Сарафан, хоть был он немного длинноват, не мог скрыть тонкую талию женщины, красоту ее крутых бедер и стройность ее длинных ног. Все было аккуратно и красиво. Мы сели на деревянную лавочку вполоборота друг к другу, она улыбалась, продолжая держать ландыши у своего лица. Я в это время соображал, о чем можно будет разговаривать с этой прелестной женщиной. И тут я вспомнил одну легенду, имеющую прямое отношение к этим прекрасным цветам. Но первым делом, мы, конечно, должны будем познакомиться, ведь официально нас никто не представлял друг другу, и сами мы еще не знакомились.

– Меня зовут Алексей, – нерешительно представился я.

– Да, я знаю, – быстро ответила она.

– Откуда же, ведь нас не знакомили? – был удивлен я.

– Да я, даже, и не помню, откуда знаю ваше имя. По-моему, кто-то вас окликнул, а я услышала. Вот и весь секрет.

Может быть, и вы знаете мое имя.

– Рита, – стараясь быть невозмутимым, сказал я.

– Ну, вот и познакомились. А за цветы вам от меня особенная благодарность, это – мои любимые цветы!

– Я знаю легенду об этих цветах. Рассказать?

– Да! Конечно!

– На Волге рассказывают такую историю. Уезжал один воин в поход. На прощанье подарил он своей возлюбленной ожерелье из речного жемчуга, чтобы помнила его. Каждый вечер выходила девушка на околицу, все ждала своего суженого. Вернулась дружина, только не вернулся ее любимый. Вне себя от горя, побежала она в лес, упала на траву и разрыдалась, а когда успокоилась, видит, что нитка порвалась, и рассыпались жемчужины по густой траве. Еще горче заплакала девушка, принялась отыскивать в траве жемчужинки, но не смогла, трава густа, да слезы в глазах помешали. Сжалились боги над несчастной и проросли белые жемчужинки нежными цветами, бутончики которых всегда грустно склонены к земле.

Я замолчал, молчала и Рита. Я глянул на нее, склонив голову, Рита плакала, с ее реснички скатилась слеза. Я не находил, что сказать нужно Рите, надо же, как растрогана женщина. А она вскоре отошла, слезы пропали, и сказала, уже с улыбкой:

– И кто же вам дал такое право, доводить людей до слез?

– Я совсем не подумал о том, что вы можете оказаться такой впечатлительной женщиной. Простите. Только теперь я буду знать, что, вам не все следует говорить.

Некоторое время мы с Ритой еще болтали, потом я подумал про себя, что дома меня ждет жена, горячий, если уже не остыл, ужин и мягкая постель. Я хотел уже, было, предложить ей разойтись по домам, но Рита заговорила первой:

– У меня есть новость, я выхожу замуж.

– Как это, замуж? Разве вы не замужем?

– Вы видели когда-нибудь меня с мужчиной?

– Нет! То есть, однажды мужчина окликнул вас: «Рита!», и вы пошли к нему навстречу. Тогда я впервые услышал ваше имя. И еще я тогда подумал, что он – ваш муж. Неплохой, такой, мужчина. Интеллигентно выглядит.

– Спасибо. Он и будет моим мужем. Вы одобряете мой поступок?

Я не знал, как отвечать на этот прямой вопрос Риты и промолчал, но настроение мое изменилось. Двумя минутами раньше, я, по своей инициативе, хотел уйти от нее, променять общение с ней на ужин и мягкую постель. При этой новости, мне вдруг она, Рита, стала так дорога и нужна, что не было сил сдержать себя от глупых мыслей. Я хотел схватить ее, обнять, прижать к себе, наговорить кучу комплиментов и обещаний. Но, словно кто-то держал мои действия под контролем – я смог только протянуть руку, прикоснуться к ее руке, словно погладить, и снова замолчать. Настаи-

вать, чтобы она не делала этого, я не мог, стану выглядеть, как собака на сене. Зачем мешать, очаровательной женщине, жить? Разве она мне чем-то обязана?

Рита не сводила с моего лица своего взгляда. Я чувствовал ее глаза вишневого цвета, по моему лицу она наблюдала за ходом моих мыслей.

– Не переживайте, Алексей. В наших с вами отношениях мое замужество не сыграет абсолютно никакой роли. Ничего не изменится. Поймите меня правильно, я, все-таки, должна как-то устраивать свою жизнь. Ведь, вам я не нужна, – она глянула на меня своими темными глазами, чтобы уловить мою реакцию на ее вывод, я дернулся, но промолчал, а она продолжила. – Но, стоит только чему-нибудь измениться в вашей жизни, и я вам потребуюсь, позовите – я приду. Знайте и помните это.

08/04/2013

Варькин заступник

Шел урок географии. Тот материал, который давал учитель, не выходил за рамки школьной программы, было слушать неинтересно, и потому, ученики, почти все, занимались какими-то своими делами. Кто просто ворон считал, кто потихоньку от глаз учителя играл в морской бой, сойдясь с единомышленником парой и расчертив на последней странице тетради квадратное поле боя. Впрочем, каждый занимался тем, что считал интереснее урока.

Сразу необходимо предупредить, что школа эта не совсем обыкновенная. Это – школа рабочей молодежи, и все ученики в ней, конечно же, обыкновенные рабочие, по той или иной причине вынужденные пойти работать на предприятиях города и зарабатывать деньги, совмещая сразу две профессии – ученика и рабочего человека. Не лишённые надежды продолжать учиться, они настойчиво познавали науки средней школы, поскольку без школьного Аттестата дорога в ВУЗы была закрыта.

Темноволосая девочка, по внешнему виду – отличница, поначалу прислушивалась к монотонному говору учителя. Внимание ее привлекло легкое постукивание по стеклу окна, рядом с которым она сидела за партой. Первая мысль, птичка, мелькнула в голове. Любопытство заставило ее посмотреть в окно и вздрогнуть от легкого испуга. По ту сторону

стекла на темно синем фоне вечерних красок, ярким пятном выделялась улыбающаяся физиономия молодого человека, ярко освещенная светом, льющим через окно из класса. Она была совсем не отвратительная, а, кажется, даже наоборот. Девочка отвернулась, сделала вид, что внимательно слушает учителя, но легкое постукивание по стеклу снова заставило ее повернуть голову. Рядом с улыбающимся лицом появилась рука, которая сделала несколько прощальных движений и исчезла, пропала вместе с лицом. Сердце девчонки стало тревожно биться, она уже не воспринимала того, о чем сообщал для всех слушателей по теме урока школьный учитель, голова была занята другим.

Сразу, после окончания уроков, когда все ученики закопошились, собирая свои учебники и тетради, Варька, ватными от какого-то странного душевного переживания руками, затолкнула все свои тетради и учебники в сумку и, чуть дыша, направилась к выходу. Предчувствия не обманули ее. Высокий паренек стоял чуть поодаль от входных дверей и напряженно вглядывался в выходящую толпу учеников. Первое, что пришло Варьке в голову, это желание скрыться от этих глаз, присесть и в толпе проскочить незамеченной мимо него. Но что-то внутри посоветовало не делать этого, она гордо вскинула голову и быстрым шагом прошла мимо стоявшего паренька.

А он не окликнул ее, наверное, просто не знал, как ее зовут, а может – ждал не ее; она успокоилась и почти сразу же

вздрыгнула, почувствовав идущего в шаг от нее человека. Она боязливо оглянулась, но приятное лицо молодого человека не позволило ей усомниться в порядочности обладателя этого лица. Да, будь, что будет, подумала она, что, съест, что ли? На улицах везде фонари горят, пройти до автобусной остановки, на это надо не более пяти минут, да и люди кругом, не дадут обидеть, выручат, если что.

Паренек шел совсем рядом с Варькой, но шел, молча, толи не зная, с чего начать знакомство с девушкой, толи, не хватало храбрости завести разговор. На остановке стояли люди, Варька, чувствуя, что паренек все же намерен что-то сказать ей, нарочно остановилась в нескольких шагах от людей, все люди одинаково любопытны. Паренек тоже остановился рядом с ней, она взглянула на него.

– Так и будешь молчать? – тихо спросила Варька.

– Юра, я, – так же, вполголоса ответил он.

Затем глаза его оживились, он улыбнулся и спросил:

– Ты не боишься меня?

– Почему я должна тебя бояться? – удивилась Варька.

– Я только вчера из тюрьмы вышел, – наивно сознался он.

– Ну, и что? Ты, ведь, человек, не стал же ты волком после этого, – убедительно и тоже очень наивно произнесла она, заглядывая в глаза Юры.

– Ты правильно понимаешь, другие совсем не так рассуждают. Уголовник, и все тут, – с грустью и с глубоким вздохом сказал Юра.

– А ты, разве кого-то убил? – спросила Варька, испуганно поглядев на паренька. Тот торопливо ответил:

– Да нет, конечно! Я отлупил одного парня, тот к девушке на автобусной остановке приставал, вот так же, как и сейчас в темноте, ночью. Народу там не было, а он пьяный был. Меня, видимо, за человека не посчитал. Ну, я ему и дал. Говорят, я три ребра ему сломал, хотя, едва ли. Я ему несколько раз по лицу стукнул, ну, нос разбил, синяк под глаз посадил, а причем тут ребра, не понимаю. На суде справку от врача зачитывали. Там и написано, что перелом трех ребер у него, а про нос, который я ему разбил, даже слова не сказано.

Эта история заставила Варьку задуматься, затем она тихо сказала:

– Ты знаешь, а я тебе верю. Верю в каждое слово, которое ты сейчас сказал мне. Я думаю, что ты не можешь врать.

В концы улицы ярко вспыхнули фары автобуса. Юра заволновался и сказал:

– Жаль, что автобус уже идет, твой, тут другие не ходят. Я буду часто приходить к вашей школе, у меня тут девчонка одна знакомая учится, только в другом классе. Деньги-то у тебя есть на автобус? – спросил он и, получив утвердительный ответ кивком головы, он широко улыбнулся и помахал рукой, затем, развернулся и исчез в темноте мрачного двора дома, стоящего неподалеку от автобусной остановки.

Приятный мальчишка, думала о Юре Варька, расположившись у окна и уткнув нос в самое стекло. Мимо проно-

сились темные силуэты кустов и деревьев, растущих вдоль дороги, домов уже не было на этом участке пути и только где-то вдали светились огоньками дома родного Шлюза. Там она жила почти всю жизнь, хоть совсем еще пока коротенькую. Отец привез ее сюда, когда ей было всего два года. Вот с тех пор она и сибирячка. И она была горда этим. С приближением дома, сегодняшняя встреча и знакомство с Юрой стало уплывать куда-то в сторону и забываться, в голове были одни проблемы. Их было много.

Вот, например: завтра рано вставать на работу, сейчас времени уже почти полночь, а она еще только в пути; когда еще ляжет спать? Да еще, как там все дома? Отец может прийти домой пьяным, в последнее время он очень злоупотребляет спиртным, по вечерам устраивая скандалы. Дом, который так и не построили родители, вернее будет сказано – отец, когда-то, так и остался временкой. Если ей, Варьке, сейчас было только восемнадцать лет, то младшей сестренке, а всего их в семье пятеро, скоро будет только восемь лет. И вот, в этой небольшой временке вынуждены ютиться семь человек, четверо из которых еще совсем дети. Поэтому Варька и вынуждена была пойти работать на радиозавод, семью-то надо поддерживать.

В очередной раз Юра заглянул в окно класса через несколько дней и притом к самому концу занятий. Он, чтобы не испугать девушку, тихо поскребся в оконный переплет, а она, Варька, словно ждала этого визита. Она исподтишка

взглянула в окно, где была видна освещенная светом лампы добродушная физиономия паренька. Как и в прошлый раз, он улыбнулся и поприветствовал ее взмахами большой ладони. И снова Варька с волнением ждала конца занятий, а на выходе из школы, она сразу же увидела высокого паренька в защитного цвета ветровке, глазами выискивающего кого-то в сплошном потоке выходящих учеников. И снова, сделав независимый вид, Варька прошла мимо Юры, ведь прошлый раз он ясно сказал, что ждал одну знакомую девчонку, да ее почему-то не было. Наверное, в этот раз судьба будет более благосклонна к этому пареньку.

Стоило ей только подумать об этом, как почувствовала дыхание идущего следом молчаливого высокого парня, Юры.

– Ну, что опять молчишь, – слегка повернув голову, спросила Варька.

– Не знаю сам, почему так, получается, тянет меня к тебе, ты одна только понимаешь меня, – обнадеживающе начал говорить Юрий.

От его слов у девушки учащенно забилося сердечко в груди, но дальше разговор пошел совсем по другому сценарию:

– А когда подойду к тебе, вроде и начать разговор не о чем. Ведь я не думаю, что мне вместе с тобой придется весь век куковать. Для этого у меня есть моя знакомая Нинка. Только, строптивая она у меня, чуть что, сразу: «Пошел вон, уголовник!». А какой же я уголовник? Так, зря отсидел, хоть

и доброе дело сделал.

Так вот оно в чем дело! Настроение Варьки сразу испортилось. Она решила поставить все на свои места:

– Знаешь что, Юра. Я не хочу, чтобы твоя подруга стала ревновать тебя ко мне. Не ходи, пожалуйста, за мной, даже до остановки.

– Да я, ведь, за тебя боюсь. Мне от тебя ничего не нужно. Просто, ты человек хороший, не дай бог, обидит кто-нибудь. Да и не каждый день такое бывает, чтобы мне приходилось тебя до остановки провожать. А ты что, обиделась на меня?

– Да нет! За что мне на тебя обижаться. Но и провожать не стоит. Людей много ездит еще в это время. Да и парень у меня есть, – соврала Варька. – Если нужно будет, он сам встречать меня станет.

– Посмотреть бы на твоего парня, на что он способен. Разве можно одну оставлять тебя, да еще почти в полночь. Такую красивую и хрупкую девушку может каждый дурак обидеть, – продолжал возмущаться Юра.

Подошедший автобус услужливо открыл двери, девушка запрыгнула в салон, села у окна, и тотчас ярко освещенная рука появилась на темно-синем фоне стекла. Варька улыбнулась, махнула рукой. Находясь в пути, она не привыкла дремать, это свободное время она использовала для составления планов на завтрашний день. Двигаясь по плотине, автобус, за рулем которого сидел молодой шофер, реагировал на каждую выемку на дороге. Внутри металлического сало-

на, вместе со стеклами, казалось, вибрировал весь воздух, закладывая уши. У пассажиров создавалось впечатление, что они вот-вот должны оторваться от земли и взлететь, находясь внутри лайнера после продолжительного разбега по бетонной взлетно-посадочной полосе. В такой обстановке думать и составлять планы вовсе не получалось, да и не хотелось. Хотелось быстрее оказаться на правой стороне реки возле своего дома. Варька на время даже забыла о существовании Юры, в общем-то, неплохого парня, по чьей-то воле несправедливо отсидевшего срок в тюрьме.

Наконец-то, ад в салоне прекратился, автобус распахнул свои двери, и Варька, выскочив на улицу, с большим наслаждением вдохнула в себя свежий поток прохладного осеннего воздуха. До зимы оставались сущие пустяки времени, холодало. Дома все спали, пришлось быстро попить чайку из чайника, стоящего на шестке хорошо протопленной печки и нырнуть под одеяло, где тихо посапывая, крепко спала ее младшая сестренка. Места мало, приходилось делиться постелью.

Шло время, Варька продолжала работать и учиться. Юра, на протяжении всей зимы, изредка провожал ее до автобусной остановки, предварительно отметившись перед ней в школьном окошке. По пути, Юра успевал сообщить Варьке все новости, происшедшие за последнее время у них с Нинкой. Простодушный паренек говорил буквально обо всех деталях их совместной жизни, порой, касаясь некоторых во-

просов интимной жизни, чем приводил в крайнее смущение девушку, еще никогда даже не дружившую с мальчишкой. Она останавливала его, прикрывая ему рот рукой в шерстяной вязаной варежке. Он недоуменно смотрел на нее, затем осознавал свою ошибку и нескладно извинялся.

– Прости, прости! Не с кем мне больше поделиться, никто не понимает меня, а, может, не хочет понять, – возбужденно говорил он. – Ты одна переживаешь за меня, я это чувствую. Оттого и тянет меня к тебе, чтобы с души камень снять. Поговорю с тобой – легче на душе становится. Забываюсь, начинаю все подробности говорить, а ты, ведь, по сути-то своей, совсем еще девчонка, притом, маленькая. Прости, думать буду, прежде чем сказать тебе что-то.

Продолжая встречаться с Варькой и провожать ее до остановки, он при следующей же встрече вновь забывался и начинал выдавать все свои семейные секреты, делясь с ней, как с самым закадычным другом. И снова она останавливала его, а он снова извинялся.

Ближе к весне Варька познакомилась с одним человеком, который постоянно оказывался в этом же ее автобусе в это позднее время. Когда она выпрыгивала на своей остановке, он оставался в автобусе и уезжал куда-то дальше. А тут, накануне 8 Марта, когда она сидела у окна автобуса, зажимая в руке три прекрасных цветка, только что полученных от ее знакомого Юры, и счастливо улыбалась, к ней на соседнее сиденье, попросив разрешения, присел этот самый человек.

Варька смотрела в окно, где мимо стекол проносились темными пятнами кусты и деревья, и не замечала его, этого человека. Она была счастлива оттого, что сегодня ей, впервые в жизни, молодой человек подарил прекрасные цветы, поздравив Варьку с праздником. Да! Она была счастлива!

Человек, подсевший к ней, нервно поглядывая на цветы в руках девушки, достал из большого портфеля, стоящего у его ног, большой букет таких же тюльпанов и притронулся к ее плечу. Она повернула голову, на ее лице блуждала улыбка, глаза светились от небывалого счастья. Варька долго не могла сообразить, что хочет этот человек с цветами в руках.

– Мы совсем не знакомы, но учимся в одной школе и работаем на одном заводе, – заговорил он негромко, и Варька стала приходить в себя, осознавая, что происходит. – Я часто вас там вижу, когда захожу в ваш цех по делу, а то, и просто без дела, чтобы посмотреть на вас. Но вы меня словно не замечаете. Жаль, что не нашлось человека, который бы познакомил нас.

Варька, напряженно вслушивалась в слова и молчала, а незнакомец с цветами продолжал:

– Я решил сегодня познакомиться с вами самостоятельно, без чьей-то помощи. Меня зовут Алексеем, а вот эти цветы для вас.

Алексей протянул букет девушке, она растерялась и, качая головой, быстро заговорила:

– Нет, нет! У меня уже есть цветы. Меня уже поздравили.

– Я тоже хочу вас поздравить! Не отказывайтесь от цветов! Или вы решили обидеть меня?

– Нет, я не хочу вас обидеть!

– Тогда, возьмите цветы. Пожалуйста!

– Ну, хорошо! Спасибо! – Варька взяла цветы, щеки ее порозовели от стеснения и от какого-то внутреннего возбуждения.

Автобус, тем временем подходил к остановке, где она должна была выходить. Девушка поднялась с сиденья и, взглянув на сидящего Алексея, сказала:

– Мне выходить. Я здесь живу. Пропустите меня.

В ответ последовало молчание. Ухватившись рукой за поручень стоящего впереди сидения, Алексей упорно не выпускал девушку. Автобус остановился, распахнулись двери, вышли люди. Варька всеми силами налегла на руку, преграждающую ей путь к выходу, но этих сил не хватало.

– Пропусти, или я закричу! – задыхаясь, предупредила она.

Снова молчание. К Варькиному счастью, всю эту картину видела кондуктор, крупная женщина лет пятидесяти, сидящая на маленьком приподнятом месте кондуктора. Она отлично знала, где высаживается из автобуса эта аккуратненькая красивая девочка.

– Девушка! – громко сказала она. – Вы что там застряли, что ли? Вы собираетесь выходить?

Вместо нее кондуктору ответил Алексей:

– Езжайте! Она дальше едет!

Варька потеряла контроль над собой, она стала хлестать по лицу наглеца теми цветами, что были подарены им. Обои-ми руками, Алексей, защищаясь от хлестких ударов, закрывал свое лицо, но проходу девушке не давал. Подошедшая вовремя кондуктор, схватив мужчину за воротник пальто и, рванув несколько раз, уронила нарушителя спокойствия на пол прохода между рядами сидений. Варька, напоследок, с силой бросила исковерканные цветы в лицо нового знакомого, лежащего на полу и, перешагнув через него, бегом бросилась к выходу в переднюю дверь. В двери она столкнулась с крепким водителем автобуса, видимо шедшим ей на помощь, оттолкнула его и, спрыгнув на площадку, бегом бросилась в сторону дома. И тут только она зарыдала. Водитель у дверей автобуса слышал эти рыдания. Он покачал головой и поднялся в салон автобуса. Разборка была недолгой. Из раскрытых дверей автобуса сначала вылетело тело нарушителя спокойствия, следом вышел водитель и предупредительно сказал:

– Попробуй только влезть в автобус! Убью!

Варька в это время была уже далеко от автобусной остановки.

Юра долго не появлялся под школьными окнами. Варька постепенно стала забывать о происшествии, случившем-

ся с ней в автобусе накануне международного женского дня. Алексея в школе не было видно, никто о нем никогда не говорил, личность уж больно незаметная.

И вот, когда снег уже сошел под лучами солнца и от теплых дождей, прошедших незадолго перед Первомаям, а вечерами стекла в окнах класса долго не становились синими, раздалось легкое, немного звенящее постукивание прямо в стекло, словно стучали ногтями пальцев рук. Это уже стало неожиданностью, Варька вздрогнула и взглянула в окно. Там, уже поодаль от окна, стоял Юра и улыбался своей красивой и запоминающейся улыбкой. Он помахал рукой и жестом показал Варьке, что намерен встретить ее после занятий. Девушка, улыбнувшись в ответ, легко кивнула головой. Он понял ее. Словно на иголках просидела она до конца занятий и из класса выскочила одной из самых первых. Ей так много важного хотелось сказать Юре, но она так и не решилась, стоит ли говорить ему о происшествии, случившемся в автобусе в канун праздника.

– Привет! Давно тебя не видела, даже соскучиться успела, – весело сказала Варька, подходя к стоящему, чуть в сторонке от движущегося потока учеников вечерней школы, высокому молодому человеку. Юра в порыве ухватился за руку девушки, пожал ее в своей ладони и сразу отпустил.

– Привет! И я тоже по тебе скучал. Ты, как младшая сестренка мне. Пойдем, по дороге поговорим. Мне с тобой поговорить бы надо.

– Ты меня заинтриговал! Говори скорее, что случилось? – Варька заволновалась, с ней еще никто никогда не советовался. Ее волнение заметил и Юра.

– Ты только не волнуйся, пожалуйста. Все нормально, – он подмигнул Варьке. – Так, вот. Моя Нинка вчера мне сказала, что у нас ребенок будет.

– Вот это да! Как здорово-то! Поздравляю! – от души радовалась Варька. – Какое имя решили дать? Ты хочешь, чтобы я помогла имя твоему ребенку подобрать?

– Да, нет! Подожди ты, дай хоть слово сказать, – с укором перебил ее Юра, а когда Варька замолчала, продолжил. – Дело в том, что она требует нашей регистрации в ЗАГСе. Чтобы было все честь по чести. Мы с ней, ведь, просто так живем. На честном слове. То я у нее переночую, то, наоборот: она у меня. И у нас места дома нет для еще одной семьи, Нинка тоже с родителями живет в однокомнатной квартире. Прямо не знаю, что и делать?

– Знаешь что, у нас, где я живу, много частных домов. Я поговорю там с людьми, они меня все знают. Снимешь домик, не думаю, что много возьмут. Только, ты уж не подведи меня, – испытывающим взглядом Варька взглянула на Юру.

– А, что? Хорошо бы! Помоги! – с радостными интонациями в голосе выкрикнул Юра. – А тебя-то я уж никогда не подведу!

Автобуса долго не было. Варька опасливо оглядывала людей, стоящих на остановке. Это заметил Юра и с любопыт-

ством спросил:

– Варя, что тебя тревожит? Тебя никто не пугал, пока меня с тобой не было?

Варька не хотела говорить о том случае перед женским днем. Она опустила глаза и замолчала. Она боялась спровоцировать у Юры взрыв отрицательных эмоций, за которым, возможно, немедленно последовала бы расправа над ее обидчиком. Как бы все не повторилось.

– Ну-ка, ну-ка! Давай выкладывай все. Кто посмел такое сделать? – взяв девушку за плечи, стал допытываться Юра.

Уступив натиску Юры, девушка рассказала о том, что произошло с ней после прощания на остановке накануне женского дня. Юра слушал, молча, лишь желваки заиграли на его скулах, когда в самом конце пересказа у Варьки на глазах появились слезы.

Подошедший автобус ускорил прощание. Варька уехала, оставив Юру одного на остановке.

На следующий вечер в окно никто не стучал. У Варьки заныло сердце, не случилось ли что с Юрой? Когда занятия закончились, Варька неторопливо сложила тетради в сумку, оделась и направилась к выходу, попав сразу в пробку в дверях. На улице слышен был голос Юры. Он громко, как оратор, говорил что-то выходящим людям. Увидев в дверях Варьку, он протолкнулся к ней и, обняв рукой за худенькие плечики девушку, громко сказал:

– Вот она, моя сестренка! Никому не позволю ее обидеть!

Имейте в виду, что я все равно найду того наглеца, который оскорбил ее и хотел надругаться над беззащитной девчонкой. Клянусь, что я это сделаю и накажу его самым страшным образом! И так будет с каждым, кто рискнет ее обидеть!

Варька не знала, куда деться во время Юриного выступления, она была не рада, что вчера поделилась с ним своими обидами. Сбежать тоже было нельзя, парень крепко держал ее за плечи. Вот так, думала она, получается, как в поговорке: «Из огня, да в полымя!».

Как во сне, дошла она до остановки в сопровождении своего заступника. Они, молча, стояли до прибытия автобуса. На прощанье Юра сказал:

– Сестренка! Никогда никого не бойся в жизни! Никто не имеет права обижать и оскорблять более слабого!

Варька больше никогда не встречала Юру. Куда он исчез, было непонятно. Однажды летом, когда Варька шла к той самой автобусной остановке после работы, на пешеходной дорожке ей повстречалась молодая женщина с коляской. Поравнявшись с ней, эта женщина остановилась и, как показалось Варьке, чуть грубовато спросила:

– Это тебя Варькой зовут?

– Да, – сразу же сорвалось с Варькиных губ.

Смуглая, но довольно приятная на вид молодая мама, которую Варька где-то уже видела, но вспомнить не могла где, оглядела девушку с головы до ног, хмыкнула и сказала:

– За такую можно и посидеть. Хорошенькая ты. Тебе при-

вет Юра велел передать, — одними губами, без участия мимики, проговорила женщина с коляской и пошла в сторону дома, куда с остановки всякий раз направлялся Юра, проводив Варьку.

— Куда он пропал? — крикнула вслед ей Варька.

Женщина, повернув голову, зло сказала:

— Сидит, снова сидит. Где ему еще быть? — затем, остановилась, повернулась к Варьке и мягко спросила:

— Ты ему кем приходишься?

— Сестрой, — сориентировавшись, соврала Варька, затем, добавила. — Двоюродной.

— Понятно, — закончив разговор и развернувшись, женщина с коляской быстро пошла в сторону дома.

В воздухе повис и отозвался внутри Варьки громкий крик недовольного чем-то ребенка в коляске.

Виртуальная дочь

Отпуск подходил к концу. Несколько оставшихся дней хотелось как-то растянуть, чтобы успеть побывать на памятных с детства местах. По друзьям ходить не было смысла, все заняты делом, а большинство из них – на работе.

Легко перекусив, Алексей решил пешком побродить по городу, побывать в тех местах, где когда-то при его участии происходили некоторые, запомнившиеся на всю жизнь, события. Тогда, в юности, эти события происходили сами собой, не запланировано, а случайно. Но в памяти они остались на всю жизнь и, вспоминая их, Алексей мысленно переносился в те, давно прошедшие времена своей молодости.

Сейчас он шел по забытым улочкам города, где когда-то часто появлялся с друзьями и без них. Ноги сами несли его в мир юности. Впереди расположился квартал панельных пятиэтажных домов, здесь тоже он был и, даже, вот в этом первом доме, что стоит вдоль городской улицы, однажды случайно оказался в квартире на втором этаже. Алексей присел на скамейку около последнего подъезда. Все вокруг было, как и тогда, да и что могло измениться, разве что все постарело: и дом, и деревья, которые тоже стали взрослыми. А про цветы что говорить, разве упомнишь, какими они тогда были. Но были.

Как много лет прошло с тех пор. В те дни были прово-

ды друга в Армию. Что их занесло сюда, сейчас и не припомнить. Возможно, знакомые девчонки пригласили Никиту. Зашли вместе с друзьями, долго сидели за столом, выпивали, пьяные девчонки плакали, обнимая уже стриженного призывника, а поздно вечером хозяйка сделала постель прямо на полу для всех, так тут и ночевали. Надо же было случиться так, что она, эта хозяйка квартиры, выбрала именно его, Алексея, для себя. Все уже громко спали, открыв рты, когда она перетащила его в свою кровать. Тут и была их первая встреча. Когда Никиту проводили, он, прямо с вокзала второй раз пришел к ней. Она была рада гостю и немного влюблена в него. И никто им не мешал. После были еще две или три встречи, а потом он уехал навсегда из этого города. Так уж получилось.

За эти годы он ни разу не вспомнил о ней. Краем глаза увидеть бы ее, какая она теперь? Как изменилась она за эти двадцать лет? Есть ли у нее семья?

Его размышления прервала пожилая женщина, которая попросила у него разрешения присесть рядом с ним на скамейку. Он лишь кивнул головой, уступив ей немного места. Она не отвлекала его ничем и не мешала.

Невдалеке на детской площадке играли дети, что уж у них получилось там, но одна девочка вдруг громко расплакалась. Алексей, поднялся, было, со скамейки, чтобы подойти к малышке и разобраться в причине горьких детских слез, но в это время из подъезда выбежала ее молоденькая мама

и громко крикнула:

– Что случилось, Анечка?

Женщина прошла мимо сидящих на скамейке людей и подошла к ребенку. Но, видимо, ничего серьезного не произошло, мама подула на протянутую ей ручку ребенка и, поцеловав девочку в щечку, направилась обратно к подъезду. Алексей, как замороженный, глядел на идущую мимо него женщину. Он широко открыл глаза от изумления, он не сводил глаз с этой молодой мамы. Женщина, мельком взглянув на него, наверное, была удивлена таким его взглядом, она постоянно оглядывалась на него, пока не скрылась за дверями подъезда.

– Боже мой! Как же она похожа на мою дочь, – толи подумал, толи тихо проговорил Алексей.

– В маму пошла, – слышался голос сидящей рядом старушки, вернувший его в реальность. Он прислушался к ее словам. – Тоже вот, девочку родила без мужа. Так втроем и живут. Хорошие они и живут простенько, но неплохо, да завидовать нечему. Мужиков-то в семье нет, защитить некому. Здесь вот живут, на втором этаже.

Алексей машинально взглянул на окна, куда показывала старушка. У окна стояла женщина. Он узнал ее, это была она, та самая. Молодая женщина, которая только что прошла мимо, стояла за ее спиной, что-то говорила и показывала на него. Кажется, она узнала его. Сейчас она выбежит на улицу. Нужно уйти, он не готов к этой встрече. Алексей

поднялся, пошел быстрым шагом и скрылся за зеленою посаженных во дворе между домами насаждений. Старушка, кряхтя, поднялась и тоже пошла по дороге вдоль дома.

Женщина вышла из подъезда, подошла к опустевшей скамейке, оглянулась, посмотрев по сторонам, и села на то самое место, где минутой раньше сидел он. Дерево скамейки, наверное, еще хранило его тепло. Сидя, она без конца крутила головой в надежде увидеть его, а он в это время стоял за кустами совсем недалеко и сквозь трепетную листву смотрел на нее.

– Нет! Не может того быть, что молодая женщина – моя дочь. Мне просто показалось, что она похожа на мою настоящую дочь, – судорожно рассуждал Алексей, пытаясь оправдаться хотя бы перед самим собой.

Тогда, все встречи с ней прервались только лишь оттого, что он должен был уехать. Так было нужно, а не потому, что он сбегал от нее. Кстати, у них тогда появилась привязанность друг к другу, но они даже не мечтали быть постоянно вместе. Встречаясь, они не затрагивали эту тему. Когда поздно ночью он уходил от нее, она не спрашивала, придет ли он еще.

Возможно, все вышло так, что у нее совсем не было никаких шансов сообщить ему, что она беременна – у нее не было адреса Алексея. А получение такого сообщения могло круто изменить всю его, да и ее тоже, жизнь. Как все неловко вышло!

Получилось так, что если он уедет из этого города, возможно навсегда, так и не разобравшись, его ли это дочь, или только очень похожая на его родную дочку, но чужая, он не сможет спокойно жить. Его будет постоянно тянуть сюда. Стоя среди кустов, он уже почти не сомневался в том, что эта молоденькая женщина с ребенком – его кровиночка. Сердце щемило, в голове отдавался его стук. Что может произойти, если он сейчас же вернется к тому дому, поднимется на второй этаж, войдет в квартиру и скажет ей:

– Ну, здравствуй. Это я.

А она ответит:

– Здравствуй. Как же долго тебя не было. Твоя дочь успела вырасти и подарить мне внучку.

Как поступит он, Алексей? Подойдет к дочери, обнимет ее, поцелует ее в макушку и тихо скажет:

– Прости, родная. Я ничего не знал о тебе.

Как будет дальше выглядеть их встреча, Алексей не мог даже представить себе. Возможно, понадобятся деньги, которых у него все равно нет. Кому он нужен без денег?

Но ведь события могут развиваться по другому сценарию. Он входит в квартиру, она бросается к нему на грудь, громко плачет и сквозь рыдания причитает:

– Родненький ты наш, как же долго тебя не было! Твоя дочь только и мечтает хоть краем глаза увидеть тебя. Ведь у нас нет даже твоей фотографии. Леночка! Лена! Подойди сюда. Вот он, твой отец. Посмотри на него, ведь ты всю свою

сознательную жизнь гредишь своим отцом.

Лена, его дочь, с растерянной улыбкой подходит к нему, он обнимает и целует ее в маковку, а она говорит:

– Я хотела только взглянуть на тебя, отец. Больше мне ничего не надо. Я знаю, что ты не виноват в нашей разлуке, не виновата и мама. Судьба! У тебя есть дети?

– Да. Моя младшая дочь так похожа на тебя.

– Как хорошо! Как хорошо знать, что у тебя есть и мать, и отец, и есть даже сестра, которую, возможно, никогда не увижу, но она есть! Домой вернешься, шепни ей на ушко, что у нее есть сестра и племянница. Я думаю, что она правильно все поймет, только жизнь ее станет полнее и богаче на двух человек. Желаю им и тебе счастья! А я уже счастлива.

Алексей сам не заметил, как вышел из-за кустов, повернул не в сторону последнего подъезда, где живут на втором этаже они, а направился к магазину, расположенному через дом, чтобы купить что-нибудь для маленького и единственного здесь человечка, имя которого он знал. Ее имя он не помнил, а имени молодой женщины еще не знал. Его глаза разбежались, когда он глянул на витрину, он давно не покупал никаких сладостей. Чтобы не думать долго, он выбрал самую большую и самую дорогую шоколадку и теперь направился прямо к тому дому, где в последнем подъезде на втором этаже живет она.

Когда он подошел к подъезду, на лавочке уже никто не си-

дел, и дети уже не копались в песочнице, кругом было пусто. Алексей поднялся на этаж и нажал на кнопку звонка. Дверь открыла она. Алексей улыбнулся ей и сказал:

– Ну, здравствуй, это я.

Она включила свет в прихожей. На стене вспыхнула лампочка, вкрученная в черный патрон.

– Разве мы с вами знакомы? – спросила удивленная женщина.

Алексей внимательно всматривался в лицо, вроде бы очень хорошо знакомое, а вроде бы – совершенно чужое.

Растерявшийся Алексей хотел, было, извиниться, что ошибся и уйти, но почему-то спросил:

– Вы давно здесь живете?

– Лет двадцать.

– А вы не помните ту молодую женщину, которая жила тут до вас.

– Как ее звали?

– Понимаете, мне стыдно сказать, но я не помню.

– Вот видите! Почему же должна помнить я? – сказав это, она опустила голову.

Немного подумав, она тихо проговорила:

– Светлана ее звали. Только, умерла она.

Алексей, пораженный словами женщины, замолчал.

– Вы еще что-то хотите узнать? – спросила она.

– Нет! То есть, да. Видите ли, мне показалось очень знакомым лицо молоденькой женщины, которая выходила к пла-

чущей Анечке, и я подумал... Вот, возьмите, пожалуйста, для вашей Анечки я выбрал самую большую шоколадку. Только, чтобы она не плакала.

– Так, что вы подумали, когда увидели мою дочь Лену?

– Мне показалось, нет, померещилось, ну, ладно, пожалуйста, я пойду.

– Нет-нет, скажите ради бога, что вам померещилось, когда вы увидели мою дочь Леночку?

– Вообще, обознался я. Просто, она очень похожа на мою дочь. Простите, еще раз простите.

В прихожей появилась Лена. Она внимательно посмотрела на Алексея и сказала:

– Я слышала весь ваш разговор с мамой. Спасибо за шоколадку. А то я уже подумала, что нас преследует какой-то маньяк. Правда, нас трудно обидеть. И без мужчин постоим за себя, – сказав, она ушла из прихожей.

– Да, не везет нам с мужчинами: отец Лены умер, умер для нее, а муж исчез куда-то, словно сквозь землю провалился.

– Простите еще раз. До свидания.

Алексей вышел за дверь и стал медленно спускаться по лестнице, переваривая все происшедшее с ним за последний час времени. Выйдя из подъезда, он сделал несколько шагов и обернулся. У окна на втором этаже стояли две женщины, он неподвижно стоял и смотрел на них. Младшая не выдержала его взгляда и исчезла, а она продолжала стоять у окна и смотреть на него. Теперь не выдержал он. Он раз-

вернулся и стал быстро уходить по дороге вдоль дома. Около крайнего подъезда на лавочке сидела та самая старушка, что указала на окна на втором этаже и, казалось, дремала. Когда Алексей подошел к старушке и остановился напротив нее, она подняла голову, взглянула на него ясными, совсем не старческими глазами и сказала:

– Стара стала, призабыла, а теперь вот вспомнила, как ее, хозяйку-то зовут. Ведь, Светланой зовут.

– Вы давно здесь живете? – спросил Алексей старушку.

– А с чего ты взял, мил человек, что я живу здесь?

– Откуда же вы тогда знаете эту семью?

– Да как не знать, мы еще с ее матерью подругами были.

Здесь же в этой квартире она и жила, да вот уж лет двадцать пять, как умерла. Вырастила одна дочь, мужики в этой квартире не задерживаются что-то, а потом заболела-заболела, да умерла. Скажу, если не обидишься, я и тебя припоминаю. Заходил ты к Светлане-то, да, вроде и не раз. Так, ведь?

Алексей неопределенно затряс головой, что-то хотел сказать, но, видимо, не нашел слов, а только хмыкнул и, развернувшись, быстро пошел прочь от дома.

8/11/2012

Возвращение

(Новелла)

На свадьбе было весело, но спокойно. Свадьба была похожа на разыгранный спектакль, красивый спектакль. Молодожены были интеллигентны, потому и друзья их, приглашенные на свадьбу, тоже соответствовали им. Тамада, женщина лет сорока, немного полновата, но энергична, с успехом справлялась с проведением свадьбы по сценарию, где все гости были актерами. Молодежь с удовольствием становилась героями очередного розыгрыша комичных ситуаций, которые, обычно, заканчивались весело и назидательно для жениха или невесты. Напиваться, пожалуй, не хотелось никому, или переход к такому состоянию откладывался на самый конец этого мероприятия всеми гостями для того, чтобы пока есть такая возможность повеселиться, воспользоваться ею. Для каждого розыгрыша у тамады были подготовлены яркие костюмы, она переодевала в них очередных героев, которых сама выбирала из числа гостей, обучала словам и действиям, и демонстрировался этот маленький спектакль под громкие аплодисменты, смех и крики оставшихся гостей, которые в этот момент оказывались только зрителями. Все эти спектакли крутились только лишь вокруг жениха с невестой с их самым активным участием.

Виктор Михайлович, отец невесты, был немного не в духе,

но такое его состояние исходило лишь от его самого: скакало давление, тяжесть в голове и в груди. Чтобы выйти из него, он, когда прошла уже вся торжественная часть, поставил перед собой большую бутылку водки и, пользуясь занятостью своей супруги, Валентины Григорьевны, которая была вовлечена во все мероприятия тамады, стал частенько подливать себе в стопочку этой энергетической жидкости. Сложилось так, что именно на этом участке стола собрались люди малопьющие, и, потому, ему не приходилось кого-то упрашивать выпить вместе с ним, или ждать очередного общезастольного тоста.

Веселье было еще в самом разгаре, когда он почувствовал себя совершенно плохо. Сказав об этом своей жене, он надумал все же удалиться со свадьбы, чтобы не быть обузой для всех. Еще не хватало, чтобы вместо жениха с невестой, он оказался в центре внимания всех гостей. Нашлись люди, готовые проводить его, свадьба проходила в небольшом кафе не далеко от дома Виктора Михайловича.

Оказавшись в постели, он ни минуты не лежал в сознании, все куда-то провалилось, улетело, пропало.

Очнулся он оттого, что кто-то тормозил его, пытался переворачивать или, возможно, пытался посадить. Белые халаты, мелькавшие перед глазами, не интересовали его, он был ко всему равнодушен, просто, он не мог понять, да и не хотел этого делать, что же все-таки происходит? Над ним склонялись, о чем-то спрашивали, но их голоса сливались в его со-

знании в монотонный гул. Безразлично заметил он, как безжизненно упала на простыню его правая рука, поднятая каким-то человеком, одетым в белое, он не чувствовал этого падения, рука была чья-то, но не его. Он и сам бы мог так просто подкинуть эту руку, да и вообще столкнуть ее с кровати. Около кровати, у его ног, стояла красивая темноволосая женщина, вроде как, знакомая ему своей внешностью, она тревожно смотрела прямо в его глаза, подперев свой подбородок небольшой пухленькой ручкой. Голоса у головы сплетались, плавали и становились то тише, то громче. Они становились все настойчивее, что-то требовали от него, а он, не отрываясь, все продолжал смотреть на женщину, словно ждал только от нее какой-то команды. Она словно поняла его: оторвала руки от подбородка и сделала ими жест, словно просила подняться, оторваться от постели. Он попытался это сделать, но не сдвинулся даже с места. Хотел оттолкнуться от кровати, но не знал, как это сделать, он увидел толькодвигающуюся руку и подчиняющуюся ему, он ею чувствовал соприкосновения с кроватью. Он, желая выполнить требования темненькой женщины, что есть сил, оттолкнулся от постели и, даже, хотел взмахнуть ногами, чтобы подняться и сесть. Взлетела в воздух лишь одна нога и уперлась в постель только одна рука. Он неловко завалился на бок, лег на чужую руку и, оказавшись на краю кровати, соскользнул с нее и оказался на полу, ударившись лицом. Только боли он не почувствовал, он с трудом стал поворачивать голову,

чтобы посмотреть на ту женщину, которая подала ему знак подняться. Кто-то пытался приподнять его, он же пытался понять, почему не может ничего сделать и, представляете, сообразил, что нужно рассчитывать только на ту руку, которая подчинялась его сознанию, мутному и совсем бестолковому, но его сознанию. Нужно только немного приспособиться к такой односторонней неловкости. Одну сторону его приподнимали люди в белой одежде, он же сам изо всех сил стал работать рукой и ногой с другой стороны. Его усадили на кровать, придерживая со всех сторон, о чем-то спрашивали, он не воспринимал их, а вел себя так, словно все это происходило с кем-то другим, только сердце его бешено колотилось в груди.

Туман перед глазами понемногу стал пропадать, изображения людей прояснялись, совершенно четко он увидел хорошенькую темноволосую женщину, казавшуюся ему знакомой. Он думал о ней и решил про себя, что она все-таки ему приходится своей, но только кем? Он не сводил с нее глаз даже тогда, когда его приподняли и поволокли куда-то на выход, а, затем, на улицу, втащили в машину и повезли куда-то. Она была рядом с ним всю поездку и осталась даже там, куда они прибыли.

Прибыв в больницу и успокоившись немного, он вновь впал в беспамятство, плохо чувствовал боль, когда ему ставили капельницы, ковыряясь в вене острой иглой, плохо реагировал на окрик. На следующий день во время обхода, ле-

чащий врач, прежде чем начать говорить, несколько раз пошлепала его по щекам и, когда он открыл глаза, доктор склонилась над ним и громко сказала:

– Виктор Михайлович! Вы слышите меня?

Он лежал, не понимая, что он него требуют, но он слышал, что кто-то говорит и, вроде бы, спрашивает о чем-то. Пока он так думал, окрик повторился:

– Вы слышите меня, Виктор Михайлович?

Да, это вроде бы кого-то зовут. Не его ли, случайно? Да, да, это же зовет кто-то его. Как хочется ответить, но как это сделать? Никак не собраться.

– Если слышите меня, хлопните глазами!

Это легко сделать. Хлопнуть глазами это просто. Он закрыл глаза, и сразу же, хоровод мерцающих звездочек завертелся, закружился в глазах, вызывая тошноту.

– Откройте глаза! Слышите?

Он снова открыл глаза и, увидев человека в белом халате, хрипло сказал:

– Да.

В дреме, в бессознательном состоянии быстро пролетало время, меняясь на глазах: то темное время суток, то, вдруг, светлое. Просыпаясь, он стал задумываться о своем состоянии, стал вспоминать все с самого начала: кто он такой, почему он здесь, кем приходится ему та хорошенькая женщина, которая ухаживает за ним и спит на соседней кровати. С каждым днем, с каждым часом, он все больше вспоминал

о себе, о своих детях, о жене, которая взяла на себя эту благородную, но неблагодарную работу – ухаживать за умирающим человеком. Вот и теперь, она подходит к нему, склоняется над ним и спрашивает:

– Пить хочешь?

Можно еще стерпеть, не пить. Главное, дать ей возможность отдохнуть, пусть полежит, лучше. Ночь опять будет беспокойная.

Он отрицательно качает головой и говорит:

– Спасибо тебе за все.

– Вот уже неделю мы с тобой здесь. Сколько еще пролежим? Кто нас кормить-то будет? Дочкам на шею сядем? Так у них свои семьи, своих забот полно. Нельзя нам с тобой болеть, выздоравливай быстрее. Встанешь на ноги, я стану работать.

Она уходила на свою кровать и ложилась, а ее разговор застревал в его мозгах. Весь долгий вечер он лежал с открытыми глазами и думал над ее словами. Боязни умереть не было. Если не последует выздоровление, лучше исчезнуть совсем, думал он. Только как это сделать? Он лежал и думал о том, как сложится судьба у их детей в его отсутствие, как будет доживать свой век его жена, и с кем? Хотелось, чтобы все у них получилось в жизни. Должно получиться все хорошо. Ведь они умные. Получится, обязательно все получится в их жизни. Полный оптимизма, он засыпал. А этой ночью ему приснился странный сон, который оказался еще и вещим.

Он увидел себя в какой-то пещере, может и не в пещере, но дневного света не было видно, но и темноты не было. Перед ним стояла большая, даже, огромная женщина, монстр. Лица ее он не разглядел. Громовым голосом она говорила ему:

– Витенька! Сынок! Как хорошо, что ты приехал повидаться со мной! Спасибо тебе за это. Но, вот тебе деньги на обратный проезд. Смотри, чтобы завтра твоего духу здесь не было. Уезжай! Немедленно уезжай!

– Мама! – отвечал он. – О каких деньгах ты ведешь разговор? Билет я куплю сам. Что, я до старости лет буду брать у тебя деньги?

– Я сказала тебе: вот деньги и чтоб духу твоего здесь не было. Понял?

Вобщем, прогнала мать сына, и в тот же миг он проснулся, значит, вернулся, хоть и не помнит, взял ли деньги у матери. Открыл глаза. Светало. Он стал вспоминать этот довольно страшный сон. Свою мать во сне он видел живой, не смотря на то, что умерла она уже больше двадцати лет тому назад. И размеры ее были слишком велики для той доброй и маленькой старушки, какой он видел ее в последний раз. А какой голос! Словно гром грохотал!

Рассуждая так, он не заметил, как вытащил из-под одеяла свою правую руку и почесал ею зачесавшийся кончик уха с правой стороны головы. Сделав так, он удивился своему преображению: что это? Мертвая рука ожила? Тогда, кто мог

это сделать – оживить всю правую его сторону. Нога тоже стала подавать признаки жизни: легко сгибалась и разгибалась в колене. У него невольно вырвалось:

– Валенька! Валя!

Послышались шаги, она склонилась над ним:

– Пить? Ведь, я же предлагала тебе попить. Отказался. Ой, что я говорю, ведь утро уже. Все-то я проспала!

– Нет, Валенька, погляди, – он вытащил правую руку из-под одеяла и погладил ею волосы жены.

Валя с большим интересом разглядывала его руку, как будто искала какой-то подвох.

– Если я ущипну твою руку, ты почувствуешь? У тебя вроде бы даже и голос другой стал и еще, ты перестал прищепывать языком! Господи! Слава тебе, господи! Давай, подымайся, садись.

Он, с трудом, но поднялся, опершись руками о кровать, опустил с кровати левую ногу, второй ноге он помог рукой и сел, свесив обе ноги с кровати.

– Валенька! – воскликнул он. – Ты это видела?

– Витька! Что случилось? Почему вдруг, так?

– Валенька! Мне сон приснился...

– Да, брось ты со снами! Я тебя серьезно спрашиваю. Что успело произойти?

– Ты же просила вчера, чтобы я быстрее вставал на ноги, вот и приснился мне сон...

– Дурочка-то не валяй с этими снами!

Ну, что мог ответить он ей? Пока, просто промолчал. Но как приятно было завтракать. Он ел сам, держа ложку правой рукой, с удовольствием глотал пшеничную кашу и очень сожалел, видя, как быстро она кончается.

Перед приходом врача, они успели заправить по-человечески кровать, он лег в постель, она накрыла его одеялом, закрыв по самый подбородок. На необыкновенно чистую голову, вдруг, навалилась настоящая дрема, он заснул. По щекам легонько ударили, и громкий голос сказал:

– Виктор Михайлович! Проснитесь! Вы слышите меня?

Легко открыв глаза, он улыбнулся женщине в белом, склонившейся над ним и медленно вытащив из-под одеяла свою больную руку, протянул ее доктору, чтобы поздороваться. Слегка ошарашенная женщина сначала не могла понять, что бы все это значило. Затем она стала разглядывать и щупать сначала протянутую ей руку, потом нашла под одеялом и вытащила вторую руку. Она смотрела на них, переводя свой взгляд с одной руки на другую, словно сравнивая и, в то же время, ничего не понимая. Потом, осознав все, спросила:

– Когда?

– Сегодня, под самое утро. Рассветало уже, – вместо него ответила врачу жена.

– Ну, что ж, бывает и такое, – сказала, заулыбавшись, доктор. – Судьба.

В течение месяца, нога и рука, вроде бы, пришли в поряд-

док, сознание тоже стало ясным. Дело в том, что как в руке, так и в ноге не было той силы, что до болезни. Спускаясь как-то с горки и немного разогнавшись, он резко наступил на больную ногу, она не вынесла нагрузки и подогнулась. Он упал, как подкошенный, несколько раз кувыркнулся, ударился о булыжники, которыми был укреплен этот спуск, с трудом поднялся с земли и сел на камень, не в силах двигаться дальше. Мимо проходили разные люди, знакомые и незнакомые. Они глядели на него, кто-то с сочувствием, кто с неприязнью, принимая сидящего на камне грязного и травмированного человека за поддатого бродяжку, кувыркающегося по косогору от чрезмерного употребления спиртного. Ноги не держат, но отчего они не держат, всем не станешь объяснять.

На работе дела тоже не складываются. Работая в частном предприятии, он, как-то, попытался быстро сменить не вовремя сгоревшую лампу на входе в офис. В это время должен был появиться «хозяин» фирмы. И он появился, тоже не вовремя. Увидев на стремянке человека с лампой в руке, который не был электриком, хозяин окликнул его по имени. Он растерялся, стены помещения, казалось, закружились хором водом вокруг него, и... Да, он упал. Свалился на пол вместе со стремянкой и, как червяк, рассеченный лопатой садовода, извивался и корчился на полу, пытаясь подняться с пола. Хозяин перешагнул через него, не сказав ни слова. Но, через несколько минут, его пригласили к бухгалтеру, чтобы

получить расчет.

Для устройства на новую работу пришлось проходить медицинскую комиссию. Он сделал все, чтобы в руки врачей комиссии не попали документы и записи в медицинской книжке о перенесенной болезни. Сделал все – это значит, что он попросту изъял из книжки все лишнее. Подвел маленький клочок бумаги, вклеенный в книжку и написанный таким противным почерком, что он не разобрался в нем и этот клочок как раз и подвел его. В работе ему, естественно было отказано. Борьба с болезнью превратилась в сражение за существование.

Повторный инсульт вернул его в палату интенсивной терапии. Курс лечения начался снова. Несмотря на то, что состояние его было критическим, он слышал все, что происходило вокруг него. Он почти не двигался, глаза открывались с трудом и очень редко. Порой, лечащий врач, похлопав его по щекам и покричав:

– Виктор Михайлович! Вы слышите меня? Посмотрите на меня! – и не получив ответа, слушала его, измеряла давление и уходила, покачав головой.

Он слышал все, что говорила врач, но он находился в таком состоянии, что не хотелось ничего делать, не хотелось даже пытаться что-то выполнить, даже открыть глаза. Он был равнодушен ко всему. Что интересно, однако, услышал, как кто-то рядом говорил о том, что при первом инсульте умирает примерно сорок процентов больных, а при втором –

шестьдесят пять. Говорили люди, уверенные в том, что он не слышит их. Но ему почему-то показались интересными эти цифры, и он стал в уме складывать их, получилась сумма, превышающая сто процентов. Он критически подошел к этому вопросу и отметил про себя, что он, видимо, сейчас уже не живой. Даже, когда он был в таком состоянии, чувство юмора не покинуло его. Значит, жива была еще в его душе надежда, поскольку она покидает сознание человека последней. Снова пропало время, его можно было только видеть, но не считать: день за окном палаты интенсивной терапии или ночь. Сознание было в голове, но как понять, нормальное оно или нет? Решил проверить.

Пришла доктор, похлопала по щекам, переговорила с его женой. Ничего нового не сказали, он успокоился. В палату, видимо, вошла заведующая отделением и подошла к его кровати.

– Вы будете осматривать больного? – спросила доктор.

– Что с ним? – спросила заведующая.

– Повторный ишемический инсульт, – сказала доктор диагноз. Затем: – Куда же вы? А с осмотром как?

– А зачем? – ответила заведующая и хлопнула входная дверь.

– Ну, вот! – сказала доктор.

Послышалось всхлипывание его жены. Доктор тоже ушла, а его взяло зло, наверное, все стали считать, что он все равно умрет. Напрасно. Назло всем нужно встать на ноги. Сего-

дня он наберется сил, хорошо выспится ночью, а завтра всем покажет... Особенно этой, заведующей, которая уже, наверное, похоронила его.

Целый день он с нетерпением ждал ночь, чтобы выспаться, как следует. Жена перед сном напоила его клюквенным морсом, и он почти сразу же отключился.

Вдруг, ему показалось, что он стоит перед большим рубленым домом. Ему нестерпимо захотелось войти в него, но все ворота были закрыты и окна тоже. Он с трудом дотянулся до красивого резного наличника окна, приподнявшись на цыпочках, и постучался. Никто не появился. Тогда, он повторил стук и отошел назад, чтобы видеть окно. Штора отодвинулась и красивая женщина с длинными распущенными волосами, увидев его, нахмурилась, и, не говоря ни слова, стала показывать ему рукой, чтобы он быстрее ушел. Не понимая, в чем дело, он стал делать жесты женщине, чтобы она впустила его, тем более что в ней, в этой длинноволосой и красивой женщине он признал свою мать. Но взгляд ее стал совсем сердитым, и она еще быстрее замахала рукой, веля ему убираться немедленно. Ему ничего не оставалось делать, как развернуться и уйти. В голове осталась только обида, он всхлипнул и открыл глаза, уже светало. Он потянулся рукой к полотенцу на овальной спинке кровати, взял его, протер лицо от подсыхающих слез и снова повесил его на место. Он давно не открывал глаз, да тут, и рассматривать-то совсем нечего: голые белые стены, такой же потолок, большая вход-

ная дверь, и тоже белая, на коричневом полу стоят две кровати, на одной из них он, а на другой, должно быть, его жена. Надо же, как хочется поговорить с ней, да будить не хочется. Сколько неприятностей он принес ей! Бедная женщина! Надо быстрее выкарабкиваться из этой ямы и постараться сделать так, чтобы ей с ним жилось просто и легко. Он попробует это сделать, он будет стараться это сделать!

– Валенька! – вырвалось у него.

Она шевельнулась.

– Валенька! – позвал он еще раз.

Она подняла голову, вылезла из постели и подошла к нему. Она склонилась над ним:

– Это ты позвал меня?

– Да, это я.

– Значит, ты вернулся?

– Да, вернулся.

– Постарайся не уходить от меня так надолго.

– Ладно.

Упущенный барыш

У нас говорят: «Кто старое вспомянет, тому глаз вон». Я думаю, что не станем мы такими злостными правонарушителями, если вспомним из «дел давно минувших дней» небольшую, смешную и, я бы сказал, поучительную историю, происшедшую прямо у меня на глазах.

Мы жили в частном доме, я был учеником начальной школы, а старший брат, отслуживший уже на флоте, работал начальником автотранспортной конторы. Порой к нам домой заходили друзья брата, шофера, заходили по пути с работы до дома. Мне запомнился один шофер, весельчак и балагур, человек лет так тридцати, может быть чуть поменьше. Придя к нам, он моментально создавал веселую и шумную обстановку в нашем доме. Тут были и анекдоты, и правдивые истории, которые случались с ним или его друзьями во время поездок. Наш отец любил его за этот веселый и жизнерадостный характер и всегда тепло встречал его. Так вот, как-то вечером зимой к нам постучали в окно, отец выглянул, но стекло было заморожено.

– И кого это черт принес на ночь, глядя, – пробурчал он, но оделся и вышел в сени, чтобы открыть запоры.

– Да меня, меня черти принесли, – слышался веселый и громкий говор Венки Кондакова, того самого шофера. – Только вот не донесли, проклятые, до дома, говорят, устали.

А тут всего-то полкилометра до Гомзова осталось, ленивые, черти!

В дом, вместе с клубами морозного воздуха вошли отец и Венка, дом преобразился, на лицах домочадцев появились улыбки, все оживо. Венка присел на стул возле отца и стал ему рассказывать одну прибаутку за другой. Я что-то не помню, чтобы наш отец так смеялся при разговоре с кем угодно, но, только не с Венкой. Тот говорил громко, подражая манерам тех людей, которых изображал, лицо его светилось от удовольствия говорить и видеть людей, которые смеялись от его шуток, но сам он громко не смеялся, а лишь прислушивался к громкому смеху людей.

За окнами дома стало быстро синеть.

— Пора и домой двигать, да так неохота по сугробам идти, тропки все перемело, а дороги когда еще почистят, — Венка подумал и спросил моего отца. — А что, дядя Миша, сосед-то ваш, Иван-клоп, живой еще?

— Да куда ж ему деться? Дает бог здоровья и жизни, живет! А что ты он него хотел-то? — спросил отец.

— Да вот, трояк в кармане завалялся, — он вытащил измятую зеленую трешницу, помахал ею и снова убрал в карман. — От калыма осталась. Так вот, думаю ее использовать с проком: не возьмется ли Иван меня на салазках довести до Гомзова? За трояк! Как ты думаешь, дядь Мишь?

Отец сначала не понял, в чем фокус-то заключался, а когда дошло до него, что Венка хочет использовать соседа Ива-

на в качестве коня, смеялся до изнеможения.

— Да он тебя, — речь его прерывалась смехом, который он не мог сдержать. — Да он тебя за эти три рубля не только на салазках, а на закорках довезет!

— Правда что ли? Тогда я пошел.

Он вышел, в сенях стукнула щеколда, и за окнами раздался скрип снега под его ногами. Дома стоят рядом, стал слышен стук сильных Венкиных кулаков по ставням соседских окон. Послышался громкий разговор, понять который было невозможно, но он больше был похож на крики двух бранящихся мужиков. Отец, прислушавшись к перебранке у соседнего дома, махнул только рукой.

Вскоре Венка вновь появился в дверях нашего дома. От порога он сказал, что не захотел, старый черт, его везти на санях:

— Зачем над стариком издеваешься? Что я, лошадь тебе, что ли? — говорит. Да ну его, дойду как-нибудь. Ну, ладно, прощайте!

Венка ушел, сени отец запер, в доме вновь стало скучно.

Минут через пять, однако, кто-то громко стукнул в окно.

— Кто там еще?

Послышался голос соседа, дяди Вани:

— Открой-ка, Михаил!

Отец чертыхнулся и пошел в сени открывать дверь, вошли уже оба, напустив холодного воздуха в избу. Щеки Ивана Васильевича горели огнем от морозца, а глазами он блуждал

по комнате, словно кого-то искал.

– Ну, говори, с чем пришел? – спросил его наш отец.

Сосед помялся, помялся, да и говорит:

– Где у тебя этот гость, Венка, вроде?

– Да минут уж с десятка, как ушел, обиделся он на тебя, едва сдерживая смех, ответил отец.

– Дурак! Вот, дурак! От трех рублей сам по дурусти своей отказался! И что, он лишним бы оказался что ли?

– Да что случилось? Расскажи толком.

– Венка предложил мне за три рубля довезти его до Гомзова. Говорит – обезножел, что-то. Радикулит, что ли. А мне обидным это дело показалось. Потом уж дошло, помочь человеку – не грех. Да и сам бы с деньгами был. Эх, не повезет, так не повезет! – он махнул рукой, вышел из дома, снова напустив морозу, клубами двигавшегося по полу к самым передним окнам. Вскоре, скрип снега под подошвами его подшитых валенок смолк.

– Ну, теперь всю ночь переживать будет, сосед-то наш. Как же! Такой барыш опустил! – сказал отец и вышел в сени, чтобы закрыть дверь на щеколду.

25.12.2012

Случай в автобусе

Однажды, чтобы вовремя успеть в библиотеку, находящуюся на левом берегу Оби, пришлось сесть в большущий автобус. Мест свободных было много, я, в соответствии со своими годами, расположился в передней части салона, усевшись на сиденье. Проезд был оплачен на входе. Находясь в тепле и уюте, я задумался о чем-то своем и начал, было, дремать под монотонный шум мотора автобуса.

Но поспать не удалось. Раздался громкий просящий мужской голос, я, естественно, прислушался, заодно отошел от дремы.

Мужчина, лет пятидесяти от роду, стоял напротив подошедшей к нему женщины-кондуктора и умолял не высаживать его на плотине, как безбилетника, зайца.

– Все вроде взял с собой дома, да по карманам разложил, а в автобус сел, хлоп по карманам, денег нет. Надо же так опростоволоситься. Слово даю, в следующий раз встречусь снова в автобусе, отплачу все с лихвой, – настойчиво оправдывался он перед кондуктором.

– Как же так, взяли моду ездить без билета, – ворчала женщина. – Где я вас после искать буду, считай, с концами. Это же мой хлеб, мой заработок. Почему я должна всем такие одолжения делать?

– Слово даю, хочешь, на колени встану! – не унимался

мужчина. Кондуктор, махнув рукой, направилась к своему служебному сиденью. Мужчина быстренько присел на сиденье, расположенное немного ниже меня, рядом с женщиной примерно таких же лет, что и он. Женщина, несмотря на июль во дворе, почему-то была в шубе, искусственной, конечно. На ее коленях стояло ведро прикрытое тряпочкой, но она периодически залазила рукой под эту тряпку, отламывала там булку и подносила ее ко рту, долго пережевывала и с трудом глотала. Потом доставала пластиковую бутылку с минералкой и запивала сухую пищу. Возможно, это была одна из дачниц, отправившаяся на свой огород, но, возможно, что это была обыкновенная бездомная женщина. Услышав конец разборок кондуктора с подсевшим к ней мужичком, она залезла в карман своей шубы, достала горсть монет, выбрала две монеты по десять рублей и, спрятав оставшиеся деньги в карман, подала эти двадцать рублей своему соседу со словами:

– Пойди и рассчитайся с кондуктором, вот тебе деньги за проезд, – сказала она требовательно.

Мужчина взял деньги в свои руки, сунул монетки в нагрудный карман рубашки и, заискивая, заговорил с женщиной в шубе:

– Да есть у меня деньги, что я, такой бедный что ли? Так вот, выходит, что нет, нет, да влипнешь в какую-нибудь историю. Ну, забыл деньги! Забыл! Что теперь, казнить меня прикажете?

– Никто тебя казнить не собирается. Пойди и рассчитайся за проезд, – настойчиво требовала женщина.

– Да что ты, в конце-то концов, привязалась ко мне: сходи, да сходи. Буду я тебе бегать по салону. Станет моя остановка, вот на выходе и рассчитаюсь, – рассвирепев от слов женщины, стал огрызаться на нее наглец.

Женщина в шубе с ненавистью посмотрела мужчине в глаза и демонстративно отвернулась от него, видимо, считая его человеком конченным и не стоящим ее внимания. Да!

Эту картину наблюдали все пассажиры, сидящие и стоящие вокруг, по выражениям их лиц стало ясно, что все они увлечены этим заурядным происшествием, происходящим прямо у них на глазах. Но, к сожалению, все промолчали, негодуя в душе, промолчал и я, зачем трепать нервы лишний раз, и так живем в таком беспокойном мире. Пусть этот грех останется на совести этого человека.

Подъезжая к остановке, где собирался выйти из автобуса безбилетник, мужчина стал суетлив, крутил головой, постоянно поглядывал на кондуктора. Когда двери автобуса отворились и люди хлынули наружу, мужчина без билета вскочил, словно опомнившись, что ему тоже нужно выходить, бегом кинулся к дверям и, проскочив около кондуктора, вырвался на волю и сразу затерялся среди людей, стоящих на остановке. Я находился невдалеке от него и наблюдал, как он достал из кармана брюк горсть мелочи, пересчитал ее, с ухмылкой добавил туда монетки из нагрудного кар-

мана, которые дала ему одна добрая женщина для расчета за проезд в автобусе и, покрутив головой по сторонам, направился в рюмочную на краю базара.

Букетик ландышей

На нашем огороде по весне начинают по очереди расцветать первые весенние цветы. Сначала зацвели нарциссы, своими бело-желтыми цветочками на длинной ножке, они радовали глаз. Их, даже, жалко было срезать, но среди пожухлой прошлогодней листвы и оставлять их жалко было, вот они и оказывались дома на столе, стоящими в воде в небольшой хрустальной вазочке.

Вскоре зацвели и ландыши, которые сначала выбросили крупные темно-зеленые листья, как ножи, а затем появились и крохотные белоснежные цветы-колокольчики на длинной светло-зеленой ножке. И тотчас же сладкий дурманящий запах поплыл по всему огороду. Эти цветы сначала почувствуешь, а уж потом только найдешь в притененных местах среди сорной травы.

Сорвав несколько ландышей, я разложил их на крохотные букетики, которые перевязал длинной травкой, с расчетом сделать приятные подарки встречным знакомым девушкам, женщинам. Вот радости-то будет, думал я. Но встречных, когда я шел домой, оказалось не так и много.

Еще издали заметил я, что у салона «Парикмахерская» стоят несколько молодых женщин, попыхивающих сигаретами. Во! Подойду, порадую их. Они с удивлением смотрели в мою сторону, на меня, подходящему к ним с улыбкой

на лице.

– Девочки! Нравятся вам эти цветочки? Правда, ведь, премилые букетики получились? – с гордостью заговорил я, протягивая женщинам цветы.

– Разве это цветы? – задала встречный вопрос мне самая приятная и самая красивая из женщин. – Это вы сорняков где-то так много насобирали.

– У нас на даче весь огород ими зарос. Не знаем, как избавиться от них, – подтвердила вторая молодая женщина и демонстративно отвернулась от моей протянутой руки с букетиками.

Улыбка исчезла с моего лица. Я растерялся. Выручила меня третья женщина, которая была чуть старше первых двух:

– Да вы что, девчата? – она аккуратно взяла с моей руки маленький букетик, приложила его к своим губам, словно целуя крохотные белоснежные колокольчики, сделала глубокий вдох и захлопнула глаза. Блаженство отразилось на ее лице. – Господи! Какой божественный запах!

Женщины моложе с удивлением смотрели на нее. Они, даже, прекратили курить, побросали недокуренные сигареты в урну и с унылыми лицами ушли внутрь парикмахерской.

Оставшиеся цветы я подарил маленьким девчушкам, копавшимся в песочнице у дома. С каким удовольствием вдыхали они чудесный запах ландышей и улыбались. Домой я пришел счастливым.

Цветы к восьмому марта

Женечка познакомилась с Дмитрием на новогоднем корпоративе, который организовала сама хозяйка совсем юного, но по оценкам специалистов очень перспективного предприятия. Столичных певцов не приглашали, но местные музыканты веселили отдыхающих всю ночь. Шефиня гордо выступала в своем безумно дорогом наряде. Женечка же была признана всеми мужчинами самой сексуальной женщиной этого карнавала, несмотря на то, что занимала всего лишь скромную должность секретарши. Около нее постоянно вились поклонники ее красоты и обаяния.

Дима, человек новый и довольно скромный, постоянно находился где-то в тени, но Женечка разглядела высокого, очень симпатичного и стильного молодого человека и решительно направилась к нему, одиноко сидевшему за самым дальним столиком под сенью пальмы, растущей в большой бочке.

Удивительно легко Дмитрий пошел на контакт, тут же они не только познакомились, но и выпили вино на брудершафт, не замедлив после этого поцеловаться. Они разболтались, продолжая сидеть за столиком. Отдыхающим некогда было наблюдать за ними, каждый преследовал свою цель. Женечка узнала от Димы, что его назначили начальником производства по пошиву ширпотреба из шагреновой кожи. На вопрос

Женечки, нравится ли Дмитрию наряд шефини, он ответил:
– Ее платье безумно дорого, но оно не для нее.

Они выпили еще, потом Дима наговорил Женечке кучу красивых комплиментов и она, растаяв от внезапно проснувшейся любви, утром не могла понять, как оказалась в постели рядом с ним в новой квартире своего коллеги, снятой шефинею специально для него.

Встречи Женечки с Димой стали регулярными. А, какие подарки ей дарил ее избранник!!! Счастливее Женьки не было в мире человека! Ей хотелось все больше от него, но она стала замечать, что Дима оказывался все чаще занятым по вечерам.

– Димочка! Ты разлюбил меня? – задавала Женя волнующий ее вопрос Диме.

– Как ты можешь так думать, солнышко мое? – нежно отвечал ее избранник. – Разве я давал тебе повод к ревности? Просто я стал много работать. Ведь, бизнес, есть бизнес. Деньги, которые так нам нужны, даром не даются.

Евгения соглашалась с ним, но встречи с Димой стали становиться все реже и реже. Даже в выходные дни они перестали встречаться. Тем не менее, приближался самый первый весенний праздник – «Восьмое марта».

«Ну, этот-то день он проведет только со мной! – думала Женька. – Никому его не уступлю!» Эти мысли, с такой решимостью, успокоили ее. Она с нетерпением ждала этот день.

Накануне праздника, в самом конце рабочего дня, в приемную неожиданно вошел Димка, ее Димка. В руках он нес большую корзину прекрасных цветов. Цветущая и счастливая Женька, задыхаясь от нахлынувших чувств, поднялась со стула и направилась навстречу букету.

– Привет, Женя! У себя? – кивком головы указав на дверь в кабинет начальницы, холодно спросил Дима.

– Да. Проходи... те, – пробормотала поникшая и растерянная Женька и помогла открыть дверь.

Сколько прошло времени, Женя не замечала, она сидела за своим рабочим столом секретаря, опустив голову и, почти ничего не соображала. Тут дверь кабинета начальника с шумом распахнулась, вышла счастливо улыбающаяся шефиня, подошла к столу и, открыв коробочку в виде бардового сердечка, показала своей секретарше красивое обручальное кольцо с бриллиантом.

– Женечка, родненькая! Какая я сегодня счастливая! Мне Дмитрий сделал предложение! А какие цветы он принес! Ты ведь видела их?

Она, покрасневшая, разгоряченная бросилась на грудь Димки, вышедшего вслед за ней из кабинета, Женькиного Димки и принялась целовать его в губы, которые когда-то могла целовать только одна она, Женька. Ей хотелось кричать, хотелось подбежать к ним и оттащить от ее Димы эту... эту... позволяющую себе делать все, что ей только заблагорассудится.

Шефиня забежала в свой кабинет, а Женька, разбитая и опустошенная, смотрела в глаза, стоявшего перед ней мужчины, ее мужчины, ставшего внезапно чужим. Ее взгляд будто говорил:

– А, как же я?

– Прости Женя, что не предупредил тебя. Так уж вышло. Но ты должна понять, ведь, бизнес, есть бизнес. Он не бывает без жертв.

18.02.2012

Счастливая Настя

Проснувшись и отойдя ото сна, Настенька продолжала лежать в постели с закрытыми глазами. Настенькой ее зовут родители, а сама она, студентка очень престижного университета. Девушка сосредоточенно обдумывала, как ей лучше использовать два предстоящих выходных дня. Она уверена в том, что ее отец обязательно сделает ей хороший подарок на восьмое марта. И не только ей, но и маме. Но это входит в его обязанности и это так неинтересно. Нет абсолютно никакой романтики. Конечно, получать подарки приятно, но отца можно попросить и он купит, а лучше, просто даст деньги на ту вещичку, которую она уже выбрала в местном торговом центре. Он никогда не откажет любимой дочери.

Ах, нашелся бы такой человек, как капитан Грэй в «Алых парусах» и... Нет, совсем не обязательно, чтобы он забрал ее с собой на тот дивный корабль с алыми парусами. Лучше бы, лучше бы, ну, что же там лучше-то?

– Настенька! – раздается за дверью. Это мама. Значит – нужна ей помощь. Но как неохота вылезать из теплой постели, делать ей нечего, вставать в такую рань. Но вставать все равно надо.

– Встаю, встаю, мама! – кричит Настя и через минуту выходит из своей комнаты.

– Настенька, отца вызвали срочно на работу, а я вот стир-

ку затеяла, так что придется тебе сбегать в магазин за продуктами. В прихожей на тумбочке я составила список, что купить. Так, что пошевеливайся, не то без завтрака окажемся, одна я не справлюсь.

– Все понятно. Уже бегу.

Быстро собравшись, Настя оказывается на улице. Там совсем не холодно. Как-никак, календарная весна, завтра – восьмое марта. Только обидно, что она так и не решила, что ей нужно от капитана Грэя. Может быть – цветы? Да! Пожалуй, да!

Настя шла не торопясь, спешить некуда. По улице двигались только троллейбусы, да редкие прохожие. При теплой погоде на тротуарах школьники накатали много ледяных дорожек, которые приходилось ей обходить. Попробовала прокатиться по одной длинной дорожке, но чуть не упала на скользком льду, пришлось помахать руками, балансируя ими, чтобы только не упасть и уберечься от синяков.

Стоило ей завернуть за угол здания, как кто-то, поскользнувшись, свалился прямо перед ней на лед, до смерти испугав ее. Она вскрикнула и остановилась, наблюдая, как человек старается подняться со льда, но у него не получается, ноги вновь разъезжаются на этом скользком месте.

– Может, вам помочь подняться? – спрашивает Настенька.

Услышав голос девушки, человек, который оказался совсем молодым, сдавшись, становится на колени и, подняв взгляд своих небесно-голубых глаз, видит над собой очаро-

вательную девушку. Сначала он краснеет от стыда за свою неловкость перед ней, затем, глаза его начинают улыбаться. Юноша делает артистичный жест рукой и громко говорит:

– «Чуть свет, и я у ваших ног», милая Ассоль!

Теперь смущена Настенька. Надо же, ведь только сейчас, лежа в постели помечтала она о капитане Грэе и вот, на тебе, он на коленях у ее ног. Наверное, сегодня все сбывается. Протянув руку в шерстяной рукавичке, она помогает ему подняться, он же не сводит своего изумленного взгляда с девушки. Кажется, где-то уже пересекались их пути. Взгляд знаком.

– Пока, – говорит Настенька, обходит юношу и идет, не оглядываясь к магазину.

– Пока! – кричит ей вслед юноша.

Короткая встреча, а какой глубокий след в душе, которая начинает петь. Что изменилось? Ничего. Она идет в магазин за продуктами, но почему-то в душе ее светло, сердце бьется учащенно и перед ней все время эти голубые глаза.

Весь день Настенька провела в тревоге, душа ее чего-то ждала. Она долго стояла возле окна, глядя на спешащих куда-то людей. Даже хмурый вечер не принес ничего нового.

Утром, сквозь сон, Настенька услышала звонок. Приоткрыв один глаз, она увидела, что в комнате еще совсем темно.

– И кого это, интересно, в такую рань принесло? – подумала она, но что-то екнуло в груди, она окончательно просну-

лась и лежала в ожидании какого-то чуда.

В прихожей послышались шаги матери, щелкнул замок, скрипнула входная дверь. Мать с кем-то говорила, затем все смолкло, но стук в дверь и мамин голос:

– Настенька! Ты не спишь?

– Входи, входи мама.

Вошла мать, в ее руках был чудесный букет из белых роз.

– Ой, какая красота! – воскликнула счастливая Настя. –

А я весь вечер вчера напрасно ждала эти цветы.

В центре букета лежал небольшой клочок бумаги с номером телефона. Чуть ниже номера подписано – ГРЭЙ.

19.02.2012

Роза

Теплое, но хмурое летнее утро. На автобусной остановке много людей, и все они на виду друг у друга. Одежда на людях почти однообразна и мрачна в соответствии с погодой. Настроение тоже, немного мрачное. Женщин тут трудно отличить от мужчин: те же джинсы, кроссовки, ветровки или рубашки, все почти одинаковое, даже, прически. Разве, только отличия в рисунке фигуры позволяют разделить этих людей на мужскую и женскую половины.

Но из всего этого серенького скопления народа, выделяется высокая и стройная фигурка рыжеволосой девушки с большими голубыми глазами, лет так восемнадцати, в красивом платье голубого-голубого цвета, с ромашками. Люди, стоящие на остановке или проходящие мимо нее, преимущественно мужчины, невольно задерживают на ней свой взгляд. Она гордо держит свою красивую головку. Молоденький паренек стоит неподалеку и не сводит с нее своих восторженных глаз. Он оглядывается по сторонам, недалеко от остановки стоят киоски, один из них, к счастью, цветочный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.